

18+

ГАЛИНА
ГУБАЙДУЛЛИНА

СОСЕДИ И
РОДНЯ
ОТТАВИИ
МАЛЕВОЛЬТИ

Галина Ивановна Губайдуллина

Соседи и родня

Оттавии Малевольти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63509282

SelfPub; 2020

Аннотация

Действия происходят в Англии в городе Милфорд-Хейвен в правление Герга Третьего (который подозревался в вампиризме и был душевнобольным). Оттавия из семьи итальянских скульпторов-иммигрантов попадает в семью английского дворянина. За её сердце будут биться соседи: адвокат и капитан дальнего плавания. Будут раскрыты козни маньяка, разоблачены контрабандисты, прогонят привидение.

Галина Губайдуллина

Соседи и родня

Оттавии Малевольти

Фотография для обложки предоставлена с согласия автора кукол Анной Тереховой с «Ярмарки Мастеров», где много других работ этого замечательного кукольника. Её сайт www.tannadolls.livemaster.ru

И в инстаграмме страница автора кукол [annaterekhova.artdolls](https://www.instagram.com/annaterekhova.artdolls)

4июня 1.800 года. Великобритания. Герцогство Уэльс. Графство Пембрукшир. Город-порт Милфорд-Хейвен. Правление Георга Третьего Ганновера.

Туманное утро. В десяти шагах силуэты зданий едва различимы, а люди кажутся тёмными пятнами, которые, колыхаясь, растворяются в гуще пара по мере удаления. Сонно разъезжают редкие кареты и дилижансы.

Простой люд, привыкший и приносившийся к специфической, побережной погоде, спешит на заводы, фабрики, в мастерские, в порт.

Зажиточные горожане ещё спят, не говоря уж о богатых, из них не почуют разве что, те, кого мучила бессонница или болезнь, кого ждут неотложные дела на бирже или в конторе.

Достопочтенный, пятидесятилетний эсквайр Освальд Боу ехал в этот ранний час в своей новой карете и хмурился от вида покосившихся и облезлых трущоб рабочего квартала.

Перед одним из таких убогих домов его экипаж остановился. Эсквайр вознамерился сделать доброе дело, и был очень доволен собой, своим вниманием и тактом по отношению к бедным, особенно благотворительность важна сейчас – перед выборами в городской парламент. Он решил в качестве премии за хорошую работу выдать вдове, вчера скончавшегося слуги, приличную сумму денег. Боу мог бы доверить это дело управляющему, но хотел составить о себе мнение в городе, как о заботливом и добром человеке.

Эсквайр заметил, что зашарпанный подъезд, тем не менее, чист, а доски пола выскоблены ножом до блеска.

Выслушав плаксивые благодарности и жалобы вдовы, Боу с радостью освобождения от обременительной обузы, вышел вновь на лестничную площадку.

Дверь напротив отворилась и на пороге показалась ошеломляюще красивая брюнетка, совсем юная, на её лице читалась непорочная невинность и наивность. Её зелёное платье, расклешённое от груди, с модным узким рукавом до локтя, обхватывающим волнующе хрупкую руку, вздымалось «фонариком» у плеч. В отличие от ряда дворянских нарядов, простолюдинки зачастую прятали плечи и шею за огромным воротником, так и эта скромница прикрыла свои прелести за белоснежную ткань рубашки с длинным воротником. Из под

рукава платья торчали кружевные оборочки этой рубашки. Маленькая, зелёная шляпка завязана лентой на шее на бант.

Боу отвернулся к двери вдовы, прикуривая трубку.

—Дай тебе бог здоровья, детка,— причитала сзади девушки дряхлая старушка,— Ты никогда не забываешь об одиноких, брошенных стариках. Вот с утра уже на ногах, молочка принесла.

—Я завтра приду, и наведу порядок в Вашей квартире,— обещала девица.

—Спасибо тебе, Оттавия.

—До свидания, бабушка Олли.

Старушка закрыла дверь.

Юное создание беззаботно, без опаски стало спускаться вниз по лестнице. Эсквайру Боу показалось, будто все окружающие его предметы и стены стёрлись, зрение сосредоточилось на хрупкой фигурке незнакомки, что плыла, словно в тумане. Звериный инстинкт обладанием любой ценой лучшей представительницей женского пола стало навязчивой необходимостью. Потрясающая сила желания сделала из обычного, законопослушного гражданина трясущегося от вожделения маньяка.

Беспечность юной особы побудило мужчину, которым руководил самец, напасть на незащищенное существо. Он оглушил жертву лёгким ударом по шее, сгрёб в охапку и втащил в свою карету.

Оттавия очнулась, и с удивлением увидела вокруг себя незнакомую обстановку в мрачных, коричневых тонах.

Она лежала на широкой, заправленной постели, и в руку ей кто-то вложил 50 фунтов. Страшная догадка заставила в ужасе вскрикнуть и подскочить. Девушка закинула деньги как можно дальше, и оглядела предательски измятое платье. Сомнения нет: её изнасиловал тот пожилой джентльмен, что спускался по лестнице сзади неё. Слёзы отчаянья и брезгливости перешли в рыдания.

Немного успокоившись, девушка выскочила из номера гостиницы. Всхлипывая на ходу, со всех ног бежала из этого проклятого дома.

Её растрёпанный вид и зарёванное лицо привело в ступор отца и брата.

Из кухни выглянула белокурая, невзрачная невестка, англичанка Зила с маленьким Франческо на руках. Завидев растрёпанную Отту, она тут же испуганно спряталась в глубине комнаты.

Отец первый бросился к дочке.

Обнимая, спрашивал дрожащим голосом:

—Что случилось, мой цветок?

—Всё... всё произошло неожиданно... я... я шла от бабушки Олли, как вдруг один господин набросился на меня и ударил,— взхлёб рассказывала Оттавия, её губы тряслись, а огромные глаза беспрестанно наполнялись слезами.

—Чезорино, быстро беги к тётке Олли и узнай от соседей к кому кто приходил,— сердито распорядился отец, затем ласково, роняя слезу за слезой, успокаивал дочь,— Ты такая прекрасная, добрая, что...что счастье не посмеет пройти мимо тебя.

—Папа, этот джентльмен был таким противным и старым, что мне хочется утопиться в проливе Святого Георга от обиды, отчаянья и омерзения.

—Нет, нет, только не это. Такая красота не должна покидать землю и достаться рыбам. А как будем жить мы без тебя, Отта?

—Что может быть хуже для итальянцев, чем потерять честь? Чезорино скоро будет меня ненавидеть, а ты стыдиться такой дочери.

—Только не я, мой цветок. Только не я,— уверял отец, прижимая дочь.

Весть об изнасиловании самой очаровательной девушки рабочего квартала, Оттавии Малевольти, облетела все закоулки. Люди возмущённо роптали и кричали, обвиняя властвующих в растлении невинной молодёжи. Оттавия была всеобщей любимицей, ею восхищались за добродушие, добропорядочность и скромность. Если б на её месте оказалась пустоголовая кокетка, вступающая в весёлую болтовню с любым прохожим, никто бы не жалел эту дрянь, все бы хихикали над ней и сплетничали до конца жизни; но Оттавию все искренне жалели и требовали наказания виновного.

Группа активистов пошла в суд. Хотя никто не видел, как мистер Боу похитил девушку, но несколько человек в голос уверяли, что были свидетелями этого происшествия.

Повсеместно обсуждались только два события: плачевное событие в жизни красивой Малевольти и победа Наполеона у итальянской деревушки Маренго. Французская армия перемахнула через перевал Сен-Бернар, испытав холод и бездонность пропастей, снежные лавины унесли десятки жизни, но появление противников для австрийцев было совершенно неожиданным.

Отец семейства, судья Остин Филдинг, любовался за завтраком своими детьми. Семнадцатилетняя Няяда больше всех похожа на него, такие же светло-соломенные волосы и правильные черты лица. Зато характер девушка полностью переняла у матери: такая же скрытная, непрошибаемая, никаких эмоций на людях! Эта амбициозность приветствуется и воздвигается в ранг добродетели в Высшем Свете, который заполонили снобы-денди. Фальшивое подобострастие, безучастность, хотя его жена Джобет называет это уравновешенностью.

Шатенка Граветин, что младше старшей на год, копия матери, но характер «золотой». Милая, улыбчивая девочка, правда, глуповатая, учёба даётся ей с трудом, говорят, такой же была и Джобет, хоть и мнит сейчас из себя всезнайку.

У дочерей лучистые, голубые глаза их матери.

Сын Орин, восьми лет, похож на мать, но его серые, туманные глаза такие родные, такие свои, которые Остин привык видеть по утрам в зеркале и у всех близких родственников: у отца и у дядьёв. Орин послушный ученик, подающий большие надежды. Отец чувствует, что влечёт сердце его сына – море. Мальчик часами может сидеть на берегу и смотреть на волны. В порту он давно свой. Помогает матросам натягивать канаты и фалы.

В здании суда Остин Филдинг чувствовал себя уверенно и комфортно, любимая работа доставляла радость. Иные скажут: «Что хорошего разбирать чужое, грязное бельё?» А судья Филдинг мнил себя богом, карающим или милосердным. Его боялись и уважали, с его мнением считались все в городе.

Последнее время он наблюдал за активным, молодым человеком, который недавно окончил университет, и так рьяно взялся за службу, что его старания были заметны всем.

Судья остановил одного из служащих, спросил о деле с поддельными документами одной из судоходных компаний.

Хедлунд доложил:

–Мистер Норман Сэндлер разобрался в этом деле. Выявил фальсификатор, сличив подписи.

–Молодец этот Сэндлер! А тебе, Хедлунд, что слабо было разобраться?

–Ваша Честь, мистер Сэндлер новичок, новеньким ве-

зёт... Да и мозги у него свежие, молодые...

—Рано ты себя в старики записываешь, Хедлунд. И что у тебя уже мозги затвердели?

Служащий растянул губы в жалкую улыбку.

Филдинг заметил везунчика Сэндлера, окликнул.

—Какое дело ведёте, сэр?— поинтересовался судья.

—Люди из рабочего квартала собрали денег и купили мои услуги в качестве адвоката для потерпевшей в деле об изнасиловании дочери скульптора Малевольти.

—А, слышал-слышал. Боу боится высунуться из дома. Боятся, что толпа порвёт его, отомстив за добрую девочку.

—Его бизнес заглох. Никто не хочет покупать товар у насильника. Сейчас я намерен съездить в дом Малевольти, взять показания у пострадавшей.

—Не понимаю мистера Боу: вот так взять и из-за блажи в одночасье накануне выборов загубить карьеру, ославить себя на весь город, навредить бизнесу... Ну, ступайте, молодой человек, удачи.

Зила с ребёнком не высывалась из своей комнаты, которая также была и семейной мастерской, где отец и сын Малевольти ваяли статуи.

Оттавия находилась в своей комнатухе.

Отец скрючился на кухне за столом, обхватив голову руками.

Чезорино метался из угла в угол, в бешенстве размахива-

вая руками, его красивое лицо выражало крайнюю озлобленность.

—Я убью этого старого выроodka!— решил парень.

—Убьёшь...и что? Здесь не кипучая страстями Сицилия, где за вендетту тебя будут уважать, вознесут в ранг святых и скажут: «молодец». Здесь: Англия, а значит, за убийство дворянина тебя самого повесят или в лучшем случае ушлют на край света — в Австралию. Ступай лучше к Чосеру, узнай: какой новый заказ он нам предоставит.

Оттавия сидела у окна и отстранённо смотрела на дымящиеся трубы фабрик и жилых домов. «Сколько копоти, скоро нечем будет дышать»,— пронеслось в её голове. А слёзы всё текли и текли из глаз.

Шурша юбками о пол, кто-то вошёл. Отта нехотя оглянулась, но тут же вскочила и бросилась с плачем в объятия вошедшей.

—Моя маленькая сестрёнка,— позвала отдалённо похожая на неё девушка.

—Берта, дорогая,— горячо шептала и целовала щёки сестры Отта.

—Я пришла поддержать тебя.

—Ты с семьёй?

—Нет, я не взяла с собой Элеонору, от неё всегда столько шума! Ты же знаешь эту проныру и болтушку.

—Настоящая, неугомонная кровь итальянки,— слабо улыбнулась младшая сестра,— Её следовало назвать не Элеонора,

а в честь Сицилийского вулкана – Этна.

–Я пришла сказать тебе, что ЭТО событие не должно так сильно тяготить тебя, милая. Выходят замуж даже вдовы с огромным выводком детей.

–Я не могу смотреть в глаза людям...Мне стыдно.

–Но в чём, скажи, твоя вина?

–В глупой беспечности. Я не выйду замуж. Что я скажу мужу? Почему не сохранила единственное сокровище, что даёт Бог каждой девушке?

–Глупышка. Я тоже вышла замуж не девственницей. И ни-сколько себя за это не виню.

–Это ты специально придумала сейчас, чтоб выставить изнасилование таким никчемным, пустяковым событием, как мелочь бытия.

–Я не лгу! Помнишь сапожника Доменико?

–Вот ты и попалась: во всём городе нет такого сапожника.

–Вспомни, когда мы ещё жили в цветущих Сиракузах в доме над обрывом скалы...

–Сиракузы...

–Ну, Доменико, чья голова усыпана мелкими кудрями, и, проходя мимо, ты дразнила его: «руно-домино».

–Так ты любила этого парня?

–Да. Но отец ни за что не согласился бы на этот брак с человеком, коего он считал лентяем и неудачником.

–А как же Энрико Фиоре?

–Энрико побушевал, конечно, но успокоился. Ты же зна-

есть моего болвана: разве вернул бы он меня назад в дом отца вместе с приличным приданым? Он, правда, постоянно напоминает мне мой грешок и попрекает, но для меня это – пустое. Этот громила боится без спроса и волосок на моём плече тронуть. А зарабатываю я вышиванием порою больше его, так что он лишний раз рта боится раскрыть.

—А вдруг он всё же бросит тебя?

—Где ты видела итальянца, бросившего своих детей? Над Элеонорой он трясётся, как над хрустальным бокалом, наполненным до верху счастьем. Ты ела?

—Мне не хочется. И я не хочу лишний раз попадаться на глаза папы, Чезорино, и тем более Зилы.

—Я принесу еду к тебе в комнату. Сейчас быстренько чего-нибудь состряпаю на кухне.

Берта чмокнула сестру и вышла.

Оттавия села у камина, выложенного из обработанных бело-коричневых камней. Камин украшала медная решётка и иные детали из этого металла.

Бесшабашная сестра развеяла часть грустных мыслей. Но в одиночестве вновь всплывали неприятные воспоминания.

Дверь вновь распахнулась. В комнату вошёл отец и красивый господин в дорогой одежде и в белоснежном парике с хвостиком. Незнакомец галантно снял шляпу в помещении, протянул её Малевольти-старшему.

Сэндлер увидел заплаканную девушку, сидящую у камина. Смуглая брюнетка с огромными глазами казалась выро-

ненным на землю цветком из букета Бога; казалась одиноким, брошенным созданием; и если этот цветок не спасти, то безжалостные люди втопчут его в грязь.

Норман, наверное, ещё долго смотрел бы на Оттавию, совершенно забыв о цели прихода, если б её отец не окликнул его:

—Мистер Сэндлер, что Вы хотели спросить у моей дочери?

—Я должен узнать все подробности дела,— отстранённым тоном проговорил адвокат.

—Папа, нет!— девушка вскочила и хотела убежать из комнаты, но рука Сэндлера крепко впилась в её руку.

—Господин адвокат, неужели Вы думаете, что молоденькая девушка способна обсуждать ТАКИЕ детали с посторонним человеком?— возмутился Малевольти-старший.

Норман не отвечал, он взволнованно глядел в молящие о снисхождении огромные глаза. И ему вдруг захотелось поцеловать эти глаза, поцеловать эти вытаченные самой Совершенностью губы, захотелось утешить малышку и прижать к себе.

Но он взял себя в руки: перед ним всего лишь красивая женщина, она небогата и...не девственна.

—Мисс Малевольти, Вы ДОЛЖНЫ детально описать все случившиеся с Вами казусы,— протокольным тоном настаивал Сэндлер, его немного резкие черты лица напряглись.

«Прочь! Прочь наваждение!»— гнал он трепетные чувства из сердца.

—Я ничего не помню! Мистер Боу ударил меня по шее!— рыдала и кричала Отта.

Из кухни прибежала Берта.

—Неужели Вам мало свидетельств очевидцев? Зачем Вы мучаете нашу девочку?— запротестовала старшая сестра.

Сильный акцент бил по ушам, Норман поморщился, но руку Оттавии выпустил. Та упала в объятия сестры, не переставая рыдать.

—Дайте же девушке воды,— потребовал адвокат,— Я специально не вызвал пострадавшую в контору, а приехал лично, чтоб не напрягать девушку поездкой и официальной обстановкой. А вы кидаетесь на меня чуть ли не с кулаками.

Отец семейства Марко Малевольти поспешил на кухню за водой.

Сэндлер наблюдал за сёстрами. Бойкая, миловидная старшая держалась деловито. Младшая прелестница, как он понял, представляла собой тонкую, ранимую особу.

—Мисс Оттавия Малевольти, что Вы делали четвёртого июня в такую рань на соседней улице?— начал допрос адвокат.

Берта усадила сестру на стул.

Всхлипывая, Отта поясняла:

—Я работаю в попечительской организации, а так как молочницы доят коров очень рано, то я и доставляла молоко подопечным старушкам сразу после доения.

—Люди говорят, что Вы выполняли любые поручения ста-

рушек без дополнительной оплаты. Это правда?— поинтересовался Норман.

—Что значит: любые? — вспылила Берта.

—Я хотел сказать: мисс Оттавия Малевольти занималась благотворительностью,— пояснил адвокат.

Отец принёс воды в глиняной кружке. Отта нерешительно отпила из неё несколько глотков.

Воззрившись на Сэндлера своими чистыми, лучистыми глазами, она с возмущением вопрошала у него, как будто он тоже в ответе за все беды бытия:

—А почему старики должны быть брошенными? В городе тьма народу, но никто не поинтересуется: есть ли хлеб у их соседа, а может ли он самостоятельно выйти на улицу? Разве мы живём среди лесных животных, где должен выживать сильнейший? Но даже волк несёт добычу в стаю, кормит детей и старых родителей, а тех, кто это не сделает — стая разрывает на куски. Как может быть в цивилизованном обществе внутривидовое насилие?

«Ничего себе рассуждения девочки-подростка,— изумился Норман,— Да она размышляет, как профессор философии. И акцента у неё нет, на лицо быстрая обучаемость... Оттавию нужно ввести в Высшее общество. Я хочу видеть её. Её красота достойна даже короны».

Он критически заметил:

—Кстати, о свидетелях. Их показания расходятся. Все называют разное время.

—У бедняков нет карманных часов,— вывернулась Берта,— Эти показания лишь подтверждают их честность.

—Каким образом?— усмехнулся адвокат.

—Между ними нет сговора.

—Жаль, что женщин не берут в полицию, я бы нашёл там местечко для Вас, мисс...

—Миссис. Миссис Берта Фиоре.

—Мисс Оттавия Малевольти, что Вы хотите от ответчика?— Сэндлер едва не закончил фразу словами: «Денег или его крови?», но благоразумно умолк.

—За такое преступление у нас на Сицилии убивают,— глухо проговорил отец семейства.

—Я не желаю видеть этого господина, пусть его увезут как можно дальше,— устало вымолвила Отта.

«Ага, куда делось твоё милосердие к старикам?»— иронизировал в душе Норман.

—Вы будете осведомлены о ходе дальнейшего следствия, и по мере необходимости вызваны в органы суда,— этими словами адвокат «попрощался» с потерпевшими.

Малевольти-старший принёс и подал мистеру Сэндлеру его шляпу.

Филдинги прибыли на торжество. Бал давал доктор Бернхард Драммонд в честь десятилетия совместной жизни с женой Августой.

Доктор слыл человеком замкнутым, обычно он ходил с

низко опущенной головой, о чём-то всегда размышляя. Париков не любил, отрастил из тёмных волос собственный хвост. Его короткая борода всегда выражала педантичную аккуратность. В 32 года борода ни сколько не старила его.

Двадцатилетняя Августа одним казалась хорошенькой, другим обыденной. Блондинка с выразительными глазами. Строение её губ и подбородка, казалось, выражали некую обиду, и потому лицо выглядело чем-то недовольным.

Их дочь Билинда, восьми лет, с белёсыми волосами, выглядела какой-то бесцветной, в отличие от симпатичных родителей, она уродилась неказистой. Трёхлетний Залман перенял все черты отца. Но в отличие от сурового Бернхарда малыш рос весёлым и шустрым. Этот нрав он, конечно, унаследовал от деда – неунывающего Айвора Драммонда, который колесил по свету, привозил редкие товары из далёких стран, а также искусных мастеров, что работали над усовершенствованием интерьера его дома и обновлением сада. Он-то и привёз среди прочих других семью Малевольти в Англию.

У Августы в этом же городе проживала младшая сестра Беула Спенсер. Темноволосая, миловидная девушка, лицо которой выражало непреступную величественность. С сестрой во внешности её объединяли только глаза. Беула год, как овдовела, но продолжала вести светскую жизнь, ничем не выражая скорби. Её сын, пятилетний Роланд, к всеобщему неудовольствию, впитал в себя всю природу отца, чьё лицо

было нескладным, с узковатыми глазами и с вздёрнутым носом.

Двадцатилетняя Беула с присущим ей цинизмом обвела гостей и хозяев взглядом. Мужчины во фраках. Дамы с причёсками «а-ля титус» и «а-ля Каракалла», украшенные диадемами и лентами в платьях с завышенной талией. Внимание притягивала белокурая красавица Наяда Филдинг. На её фоне сестра, шатенка Граветин, тухла. Не сказать, что младшая дурнушка, но крупный нос и простоватое лицо сразу бросались в глаза. «Если Наяда не глупа, то может рассчитывать на лучшую партию сезона,— подумала Спенсер и решила завязать дружбу с этой девушкой,— Кто знает, может это знакомство очень даже пригодиться. Но это потом. Сейчас надо мило улыбаться зануде-сестре, и придумать для неё какой-нибудь вздорный комплимент».

Миссис Спенсер подходит к сестре засвидетельствовать своё почтение. Бернхард кивает ей, и удосуживает взглядом вскользь: есть гости и поважнее.

Августа, выслушав милый комплимент Беулы, вполголоса сообщила мужу:

—Миссис Данст хочет, чтобы ты лечил её. Она будет хорошо оплачивать твой труд.

—Ну вот ещё. Не желаю прикасаться к её высушенному телу.

—Но ты же врач! Ты не должен сторониться пациентов, как отвратительно бы они не выглядели.

—Я сказал: нет. Передай ей, что я загружен работой.

—Но Берни...

—Разве у нас острая нехватка денег? Нет. Я работаю с теми, кто мне нравится. Всё.

—Берни, представь меня дочерям судьи,— попросила родственника Беула.

—Вот, Августа, займись делом, развлеки свою сестру,— буркнул Бернхард.

Спенсер изобразила на лице душевную, открытую улыбку, чтоб расположить людей к себе. Тогда как девочки робко улыбались, перебирая перья веера.

Но не успела новая знакомая открыть рот для светской беседы, как к их компании присоединился широкоплечий, хоть пожилой, но крепкий Айвор Драммонд, ему недавно исполнилось 53 года.

—Девочки Остина Филдинга!— восхищался и радовался Драммонд-старший,— Рад видеть вас у себя. Очень рад.

—Ах, папа, от Вас столько шума,— указала свёкру сноха на чрезмерное выражение чувств и громкую речь.

Не обращая на Августу ни малейшего внимания, старик Айвор делился воспоминаниями с отпрысками давнего друга:

—Ваш папаша в юности был озорной парень. Джобет пролила не мало слёз из-за его любви к актрисам. Служба в Африке образумила его. Мы служили вместе. Вместе едва не остались в песках. Мы оба получили ранения при отступ-

лении кавалерии. Ваш отец еле полз сам, но ещё тащил и меня, терявшего сознание и изрядное количество крови, тащил к потерявшемуся арабскому верблюду, что щипал колючки. К нашему счастью, Остину удалось поймать животное, и взвалить меня на него. Для этого ему пришлось встать на обе простреленные ноги. Хорошо, что пули прошли на вылет, иначе Остину пришлось бы хромать на обе ноги. Старина Филдинг привязал меня к себе верёвкой, а нас обоих к седлу, но мы без особых приключений доехали до своего форта. Когда мы скакали, Остин заботливо вливал в меня воду из фляжки, что на солнце превратилась в кипяток. После ранений нас комиссовали. Остин, еще, будучи в Африке, очень скучал по жене и по вам, дочкам. Каялся, что плохо обращался с Джобет, не ценил её, мало времени уделял дочерям. Ну, а вернувшись домой, обзавёлся наследником. Отличное образование позволило ему почти сразу занять место судьи.

–Папа любит свою работу,– вставила Граветин.

–Не сомневаюсь,– подхватил Драммонд-старший,– Остин Филдинг – человек с большой буквы, и за какую работу бы не взялся: будет делать её с долгом.

Дочки судьи с благоговейным трепетом внимали похвалам однополчанина отца.

Беула начала откровенно скучать. Сестра заметила это, и увлекла её знакомиться с молодым человеком, который недавно вернулся из Нового Света с приличным капиталом.

Сёстры прошли мимо двух пожилых леди.

Одна, скривив нос, заметила собеседнице:

–Беула Спенсер может сорить деньгами налево и направо, но вместо этого – скрупулёзно считает каждый пенни. Вот и наряд её уступает в роскоши почти всем дамам её сословия.

Вторая, многозначительно подняв брови, заявила:

–Беуле незачем пускать пыль в глаза, все и так знают, что она баснословно богата. А скупость обычно присуща всем богачам.

Познакомившись с приятным джентльменом, прибывшим из Канады, Спенсер поинтересовалась каким бизнесом занимается новый приятель. Оказалось, что предприимчивый молодой человек, по имени Персиваль Росс, имеет несколько мореходных судов, кои приплыли с ним эскадрой из Нового Света с грузом. Разговор немедленно приобрёл деловой характер.

И Беула совсем не заметила, как воодушевлённо выкладывала совсем незнакомому человеку о производственных достижениях:

–Когда я купила фабрики, они были оснащены гидравлическими машинами Аркрайта, теперь же я поставила в прядильные цеха новейшее изобретение: «мюль-машины», которые ускорили процесс прядения. Но вот парадокс: чем больше мы производим, тем большим спросом пользуется наша продукция. И у нас доступные цены. А мастера-прядильщики в Индии работают кустарно, в домашних семей-

ных мастерских, их продукция дорога, да и перевозка через моря имеет немалую цену. И теперь они нам не конкуренты.

—Какой молодец этот Аркрайт, первый создал прядильные машины, и прогресс стремительно пошёл вверх,— подхватил Росс.

—А с женой бедолаге не повезло: больше половины его моделей эта злыдня уничтожила, обзывая мужа мечтателем.

Заинтересованные взгляды на эту парочку бросала не только Августа, но и её муж Бернхард Драммонд.

Остальные люди, без сенсационного всколыха поглядывали в их сторону, никто не верил в продолжение более близкого знакомства вне стен этого дома. Деловые отношения этих двух капиталистов — несомненно. Личные связи — ни за что. Уж слишком непреступной вдовушкой слыла «каменная» Беула. Соискатели её руки звали её за глаза льдиной.

Сестре же чудился какой-то злой рок.

Как только Росс примкнул к группе джентльменов за игральным столом, она подошла к Беуле и сокрушалась:

—Я не понимаю мужчин. Ты красива и имеешь колоссальный капитал, но не можешь найти второго мужа.

—Виноваты не мужчины. Я сама не хочу замуж. Хочу пожить вольной жизнью.

Беула обратила внимание, что Бернхард в компании друзей залпом выпил две порции виски, и теперь зло поглядывает в их сторону.

—На что сердится твой муж?— недоумённо поинтересова-

лась младшая сестра.

—Эгоист всегда недоволен,— хмыкнула Августа.

Судья Филдинг встретил среди гостей Драммондов и Нормана Сэндлера.

—У Вас сегодня сияющий вид, мистер Сэндлер. Есть с чем Вас поздравить?

—О, да! Я получил немалое наследство от бабушки, Ваша Честь. К тому же, поговаривают, что мой старший брат скоро уйдёт следом за бабулей.

—Уедите в Кембрийские горы в своё поместье?

—О, нет, я не привык заниматься овцами и решать земельные вопросы. Имение я продам или попрошу сестру пригласить за хозяйством. Сестра Иллария осталась старой девой потому, что в детстве лицо сильно попортила оспа. А я продолжу службу под Вашим началом.

—Отличное решение! Ведь Вы подаёте большие надежды, как юрист.

«Надо будет почаще приглашать Нормана к нам. Теперь к нему тоже перейдёт титул барона. Да и парень он хороший, примерный, работающий»,— подумал барон Филдинг.

Вслух судья сетовал:

—Дорогой Сэндлер, Вы не устали всё время сидеть дома? Пора, мой друг, вливаться в общество Милфорд-Хейвена. Приглашаю Вас в следующую субботу к себе на обед.

—Весьма польщён, сэр.

Конец июля. Оттавия с удивлением поделилась с сестрой тем, что в июне крови на белье у неё не было. Берта заплакала, и сказала, что на одного Малевольти скоро будет больше.

Младшая сестра смирилась с участью, и не поняла слёз Берты.

—Зачем же плакать? Дева Мария подарила мне младенца, значит так угодно небесам. Я буду помогать отцу и брату, и заработаю на молоко.

В дверь позвонили. Заинтригованные девушки вышли в гостиную.

Из коридора раздавался твёрдый голос отца, говорившего по-английски с сильным акцентом:

—Что Вам угодно, леди?

—Я – Виндэлия Торнтон, дочь эсквайра Освальда Боу. Я хочу поговорить с мисс Оттавией Малевольти.

—Она больна,— лгал отец.

—Как жаль...

Оттавия вышла в коридор, предстала перед гостьей.

Молодая дама, одетая в шляпку кивер с пышными страусовыми перьями. Воротник жабо у дорожного коричневого платья не слишком пышный. На спенсере серые ленты в виде эполет, низ платья и оборки того же серого цвета. При всей изысканности платья девушка не обладала выдающимися внешними данными.

Виндэлия вскинула глаза на утончённую красавицу и обмерла от удивления.

Красавица же жёстко проговорила:

–Уходите. Я не приму денег.

–У папы кроме меня ещё трое маленьких детей. Вам их не жалко? Я понимаю: Вы оскорблены...

–Я беременна, и Ваш отец за это сядет в тюрьму!– жёстко прервала её Отта.

–Беременна...– ошеломлённо повторила дама прежде, чем перед ней закрыли дверь.

–Беременна?– с ужасом переспросил отец.

–Почему-то никто не радуется этому событию. А я рада. По крайней мере, если никто не возьмёт меня замуж, я буду не одинока.

Отец потерянно пробормотал: «Да-да».

В здании полиции сквайр Освальд Боу давал показания:

–Я не видел никакой девчонки, когда завозил деньги вдове. И никакая старуха не выходила за двери.

–Откуда тогда Вам известно про старуху?– нахмурился адвокат со стороны потерпевшей мистер Сэндлер.

–А разве Вы не упоминали про старушку, от которой выходила пострадавшая?– переспросил Боу.

–Нет,– заверил Сэндлер,– И вообще Вы излагаете туманно суть дела, таких диких словосочетаний я ещё нигде не слышал. Пятилетний сын лавочника свяжет фразы культурней, чем Вы.

«Какой наглый мальчишка,– возмутился про себя Боу,–

Таким высокомерным тоном разговаривать с господином на-много старше его! И его никто не одергивает! Видно здесь он на высоком счету».

—Я повторяю: с чего все решили, что это я изнасиловал итальянскую эмигрантку? Это мог сделать кто угодно. Что из того, что я тоже был неподалёку в тот злополучный день?

—Против Вас, сэр, выступает ряд свидетелей.

—Откуда, интересно, они взялись? У дома никого не было.

—Ага! Значит, кроме Вас никого поблизости не было?!—
напирал следовательно, мужчина средних лет и неприметной внешности,— Так откуда мог появиться другой богатый джентльмен в этот ранний час в рабочем квартале?

—Откуда я знаю? Из тумана.

—Хватит отпираться, мистер Боу, рабочие настроены против Вас. Вы ведь не хотите, чтоб Вам проломили голову. Поэтомуто, если мы оправдаем Вас, то люди устроят самосуд или бунт, а нашему спокойному городу это ни к чему,— ввёл в курс дела судья Филдинг, он тоже решил попресутствовать при допросе подозреваемого.

—Сколько подобных историй, когда девушки продают свою невинность, и все довольны, все молчат. Чем эта Малевольти лучше них?

—Вот именно: продают, а не становятся жертвами насилия,— напомнил Сэндлер.

—Как Вы могли, мистер Боу, так запятнать репутацию накануне выборов?— сокрушался Филдинг.

—Вы не видели Оттавию, Ваша Честь. Этот прелестный ангел разбудит в любом демона,— вздохнул подозреваемый.

—Мистер Никсон, внесите в протокол дознания: эсквайр Освальд Боу сознался и осознал вину,— быстро проговорил следователь.

—Если Вы это запишите, господа, то не увидите от меня никаких взяток. Действие будет схоже с сатирической комедией «Дон Кихот в Англии», которую написал Ваш славный дядя Генри Филдинг, господин судья. В книге описывается, как избиратели одного города пришли в ужас оттого, что на предстоящих выборах ожидается лишь один кандидат, ведь не имея конкурентов, он не станет давать взятки. Ведь и у вас, господа, всего один кандидат на это преступление.

—Сквайр Боу, Вы хоть осознали, что совершили злодейское преступление?— подначивал Сэндлер.

Обвиняемый опустил голову.

Адвокат потерпевшей с жаром расписывал достоинства своей подзащитной:

—Я допрашивал Малевольти и сделал вывод: она — чистая, милосердная и богобоязненная девушка. Что ещё надо от жены? А краше неё и вовсе не найти на свете...

—Женитьба избавит меня от судебной ответственности?

—Разумеется! Всё замечательно складывается, вы вдовец и имеете лазейку в законе узаконить отношения с потерпевшей,— обрадовался Сэндлер.

—Женюсь. К тому же эта замарашка беременна,— согласил-

ся Боу.

–Беременна?– ахнул Норман.

–Ну не герой ли я, с первого раза засеял целину?– смеясь, нахваливал себя раскаявшийся подозреваемый преступник.

–Молодцом, молодцом,– нахваливал сквайра барон Филдинг.

На следующий день на пороге квартиры Малевольти стоял самодовольный эсквайр Боу. Марко Малевольти впустил богатого господина, полагая, что это опять кто-то из судейской конторы.

Дворянин снизошёл до объяснений с главой семьи:

–Я приношу свои искренние сожаления и извинения, я сразу хотел жениться на Вашей дочери, как только её увидел...но сражённый её небывалой красотой, потерял контроль над разумом и телом...Вы отдадите за меня свою дочь?

–Ни за что!!!– взревел Малевольти-старший.

–Убирайтесь!!!– вторил ему Чезорино.

«Кровожадные итальяшки»,– хмыкнул про себя Боу.

–Я, как порядочный джентльмен, возьму замуж Вашу дочь,– повторил незванный гость.

–Какой ты порядочный! Насильник! Душегуб!– кричал Марко Малевольти на весь дом.

–В тюрьму негодяя, опозорившего нашу честную семью!– вопил брат пострадавшей,– Если сейчас же не выметешься из нашего дома – я убью тебя!!!

Сквайр попятился к выходу.

В гостиную вошла бледная Оттавия.

—Стойте, мистер. Я выйду за Вас замуж. Я не хочу вконец осиротить Ваших детей.

—Зачем тебе старик вместо мужа?— вразумлял сестру Чезорино.

—Думаешь легко растить чужих детей? Зачем тебе чужие проблемы? Ты никогда не будешь своей среди лордов,— подхватил отец.

—Я дам ей дворянскую фамилию, престиж, деньги,— перечислял достоинства будущего брака Освальд.

—Нет уж, фамилию оставьте себе,— огрызнулась Отта.

На неё не действовали ни уговоры брата, ни укоры и наставления отца. Их слова, будто не долетали до Оттавии, ударяясь о стену непроникновения и неприкаянности. Её занимали лишь собственные мысли. Она разузнала, что у Боу действительно кроме старшей, замужней дочери Виндэлии, которой двадцать семь лет, есть ещё трое малолетних детей: десятилетний Артур, семилетний Эммит и шестилетняя Лэсли. Большая разница в возрасте у детей объяснялась тем, что по молодости сквайр служил на Цейлоне, жену же оставлял дома, в Великобритании. Не смотря на ледяное спокойствие, мысли, пронесившиеся в голове Отты, были яростного настроения, и агрессивны по отношению к ней самой: «Так тебе и надо, Оттавия! Дождалась принца!»

Эсквайр Боу взял суженую под руку. Девушка вздрогнула,

но не убежала.

Жених заявил семье невесты:

—Я забираю Вашу дочь, но всех вас, её родственников, я не желаю видеть в своём доме. Даже на свадьбе. Не хочу, чтоб все обсуждали: какие бедняки родственники жены.

Из кухни вышла Зила с ребёнком на руках.

—Я прощусь с племянником,— и Оттавия высвободила руку, погладила малыша, заговорила с невесткой,— Прости меня, Зила, я мало общалась с тобой. Раз Чезорино выбрал тебя в жёны, а не итальянку, значит — ты лучше, чем кто-либо для него.

У тихони Зилы выступили слёзы на глазах.

—Желаю счастья, Отта,— пробормотала жена брата.

Казалось, из всех окон выглядывают соседи, провожая глазами красавицу-итальянку. Многие улыбались и махали ей, когда она садилась в карету.

Молодожёны заехали в ряд магазинов, где будущий муж выбрал невесте уйму платьев, ворох нижнего белья, дюжину туфель. Причём Оттавия не изменила своего каменного выражения лица, не выказывая чувств. Сквайр Боу принимал поздравления, и уже был доволен решением жениться на столь эффектной красавице. И ему очень нравилось, как держалась на людях его будущая жена, будто прирождённая леди.

Он подвёз невесту к своему дому.

Строгое здание без балконов, с двумя колоннами у входа,

широкое крыльцо из серого мрамора. Стены дома отштукатурены блекло-коричневым цветом.

Освальд сразу отвёл Отту наверх, показал её спальню.

—Моя спальня — в конце коридора,— оповестил он.

Девушка разглядывала свою комнату. Выпуклые голубые квадраты на стенах украшены белой лепниной, сам фон стен васильковый. Голубые шторы. Васильковое покрывало на кровати. Над изголовьем несколько картин в невыразительных тонах.

Боу поведал:

—Вот эта небольшая картина Питера Ван Лара, голландского живописца, жившего в семнадцатом веке. Он любил писать пасторали и сюжеты из жизни бродяг. Пусть эта картина напоминает тебе о прежнем, полуголодном существовании.

—Я не собираюсь задирать нос оттого, что мой муж — дворянин.

—Правильно. Чем гордиться, если тебя приютили из жалости. Ты должна быть благодарна мне.

—Я хочу увидеть Ваших детей.

—Лэсли гостит у сестры Виндэлии, а Артур и Эммит болеют. Простыли. Дура-гувернантка разрешила им пускать кораблики в холодном ручье. Мальчики намочили ноги, а она даже не заметила, уткнувшись в свой глупый, готический роман.

В комнате с обоями в зелёную полосу, сидела гувернантка

с виноватым лицом.

Мальчик с русыми кудрями приподнялся на койке, и изучающее вглядывался в красивую девушку в новом нежно-розовом платье с ярко-сиреневыми вкраплениями. Мачеха отметила, что ребёнок похож на отца. «Значит, Боу-старший в юности был симпатичным малым»,— подумала она.

—Теперь ты моя мама?— пролепетал ребёнок.

—Да, Эммит, теперь ты мой малыш.

И Оттавия обняла мальчика. Ребёнок доверительно прижался к ней.

—Я ждал тебя. Я просил у Бога прислать мне маму, чтобы было кому любить меня.

У девушки побежали слёзы из глаз.

—Я познакомлюсь с Артуром, и вернусь к тебе, сын.

—Я буду ждать тебя, мама.

—Что ни делается — всё к лучшему,— пробормотал довольный сквайр.

С Артуром сидел доктор Драммонд. Малевольти присела в приветственном реверансе перед незнакомым господином.

Красивый мальчик с тёмными волосами метался по койке и бредил.

—Мама! Мама!— звал ребёнок.

—Я думаю дать мальчику снотворное,— отстранённым тоном доложил доктор.

— Позаботились бы лучше о согревающем, спиртовом компрессе, ребёнка бьёт озноб,— перебила Драммонда Ма-

левольти.

Отта подошла к мальчику и взяла его руку в свою.

—Мама, уедем в Новый Свет. Там тепло...А здесь так холодно, мама,— бредил ребёнок.

Слёзы вновь побежали по щекам девушки. Она укрыла мальчика одеялом, погладила по взъерошенным волосам, и он вдруг затих и уснул.

Доктор недоумённо наблюдал за красавицей: «У девчонки доброе сердце»,— отметил он.

—Вы выбрали себе потрясающе красивую жену, мистер Боу,— слетел с губ Бернхарда комплимент.

Девушка даже не глянула на доктора, что задело самолюбие Драммонда.

Она вернулась к Эммиту. Отпустила отдохнуть гувернантку, осталась с ребёнком сама.

Когда Освальд попозже заглянул в комнату младшего сына, Оттавия и Эммит сладко спали, обнявшись. Девушка лежала в новом платье поверх одеяла, а укутанный мальчик уткнулся лицом ей в плечо.

Адвокат Норман Сэндлер стал часто бывать в доме Филдингов. И причина была не только в дружелюбии босса. Молодой человек, успешно делающий карьеру, присматривался к дочерям судьи.

Тайные надежды девушек заставляли их неискушенные сердца мечтать о красавчике-блондине. Его пытливые чёр-

ные глаза, когда останавливались на их лицах, заставляли девиц краснеть и смущаться. Но если смущение Наяды невозможно было прочесть на лице, то Граветин замирала от взгляда юноши, а после опускала глаза и боялась их вновь поднять.

По реакции девушек Сэндлер решил, что младшую влечёт к нему, тогда как надменная красотка старшая – холодна и безразлична ко всему живому.

В очередной раз Норман приехал на званый обед к Филдингам. Миновав сад, он проходил мимо окон. Вдруг адвокат невольно отшатнулся с дорожки, так как рядом упал цветочный горшок. Юноша едва не упал, потеряв равновесие. Сверху донёсся радостный смех. «Сорванец», – Сэндлер узнал по голосу младшего Филдинга.

Обтряхнув землю с замшевых панталон, скрипя от досады зубами, адвокат продолжил путь к дверям.

– Чем Вы занимаетесь, сэр? – поинтересовался у Орина слуга Руперт Буркс, симпатичный мужчина тридцати лет.

– Я пошутил... Я не хотел в него попасть... – замямлил баронет, – Вы крадётесь, как хищник на охоте, Буркс!

– Сэр, я даже представить не мог, что в Вашем сердце живёт маленькое чудовище. С каждой ложью и с каждым плохим поступком чудовище растёт и набирает сил, и, если Вы не исправитесь, завладеет всем Вашим существом.

– Вы здорово рассказываете сказки, Брукс.

– И всё же, сэр, джентльмены так не поступают.

—Ладно, я извинюсь перед мистером Сэндлером.

Орин хлопнул носом, и вытерся ладонью, не замечая, что на ней осталась грязь от земли с цветка. Мальчик зашагал к двери.

С трудом прогоняя с лица добрую улыбку, ведь Руперт любил этого шкодника, слуга окликнул господина:

—Сэр, постойте.

—Я же торжественно обещал исправиться,— иронично напомнил ему мальчуган.

—Сэр, взгляните на себя в зеркало. Вы рыли носом тоннель? Вы хотите, чтоб все за столом упали в обморок от вида ребёнка — доблестного шахтёра?

Баронет пошёл умываться и опоздал на обед.

Подходя к столовой, он замешкался, встал неподалёку от раскрытых дверей, и слушал о чём без него говорят взрослые.

—Освальд Боу женится в это воскресенье на итальянской эмигрантке, дочери скульптора,— говорил Филдинг-старший.

—Дворяне никогда не женятся на любовницах,— хмыкнула Наяда.

—Но здесь особый случай,— возразил Норман,— Совсем молоденькая девушка была изнасилована. И вся чернь взбунтовалась, требуя возмездия потому, что Оттавия Малевольти — любимица людей бедных кварталов, ею любовались и её боготворили за доброту, она помогала одиноким старушкам...

—Бедная девочка,— вырвалось у Джобет.

—Но женитьбой на безродной Боу закрыл для себя все двери Высшего общества, никто не потерпит в своём доме проститудинку, обряженную в шелка. Его никто не пригласит в гости...— вздохнула Наяда.

—Но презрение себе равных господ лучше, чем сидеть и гнить в Ньюгейте вместе с бродягами и убийцами,— ухмыльнулся голос доктора Драммонда.

—Мы должны принять приглашение на свадьбу,— заявил глава семьи Филдингов,— Свадьба — это святое. К тому же Боу — мой дальний родственник, сводный брат кузена.

—А ещё: свадьба — очень радостное событие,— вырвался восторженный возглас у Граветин.

—Но не для Оттавии,— грустно возразила Джобет.

—Я извиняюсь за опоздание. И я извиняюсь перед мистером Сэндлером за неудачную шутку,— покаянно «заблеял» баронет, артистично изображая раскаяние, хотя его глазки шаловливо блестели.

—Это из-за твоей шутки у мистера Сэндлера грязь на туфлях?— ехидненько поинтересовалась Наяда.

—Да,— признался Орин.

Граветин улыбнулась.

Норман смутился.

—Я не рассержен на Вашего проказника,— играл роль добренького дяди Сэндлер,— Подумаешь, какой-то керамический цветочный горшок едва не приземлился мне на голову,

я же был в шляпе, что бы мне было?

—Завтра же, Вы, молодой преступник, отправитесь учить-ся в Итон,— властно изрёк отец.

—Но Девоншир так далеко от Уэльса,— опечалилась мать.

—Орин — мужчина, и к тому же собирается стать капитаном, так что пусть привыкает к расставанию.

—Конечно, чтоб стать умным человеком, мне необходим не один учитель, как дома, а масса учителей,— согласился мальчик.

—А сейчас присаживайтесь с нами за стол, баронет,— пригласил сына судья.

—Я слышал, что до женитьбы на Августе Вы где-то путешествовали, сэр Драммонд?— перевёл разговор в другое русло Сэндлер.

—Да, я много времени провёл в Австралии, изучая новый континент, общался с аборигенами,— согласился Бернхард.

—Зачем?— не поняла Граветин стремление доктора общаться с дикарями.

—А Вам не интересен быт чуждой цивилизации?

—«Цивилизация»?— хмыкнула эхом Наяда.

—Почувствовали в себе призвание этнографа?— устало переспросила Джобет.

—Продолжайте, продолжайте рассказ,— нетерпеливо просил Орин.

—Я стал частым гостем у племени аранда. Выучил их язык. И поверьте: не напрасно. Шаман племени поведал, что его

соплеменники верят, что вокруг них летают «мана» — это бесплотная сила, которую все очень боятся, но которой беспрдельно доверяют. Чем вам не ангелы? Аранда уверены, что после смерти душа летит в то место, где обитают предки, и живёт там до тех пор, пока вновь не захочет родиться в теле новорождённого.

—Из нашего рая не возвращаются,— заметила Джобет.

—Кто знает, Миссис Филдинг, кто знает,— задумчиво проговорил Драммонд, и продолжил воспоминания,— Колдун поведал мне, что неисчислимое количество времени назад Земля была почти вся покрыта солёной водой. И на берегах этого океана жили инапертва, которые выглядели, как множество существ в одном животном. Живущие на небе боги пожалели этих тварей и сделали из инапертв людей, больших ящериц, крыс и попугаев, отделив их друг от друга. И так как именно эти животные — часть общего целого, то люди сделали их тотемами своих племён.

—Колдунами рождаются?— спросил Орин.

—Нет, мальчик. Старый шаман выбирает себе на смену юношу из племени, отводит того в священную пещеру, где избранник должен просидеть три дня наедине с «мана»

—А разве шаман сам не обучает новичка?— спросила Граветин.

—Нет. Всему обучают духи. Вот как колдун пугал будущего претендента на своё место: «Духи убьют тебя. Они пронзят твою голову копьём от уха до уха и унесут в свой мир.

Они заменят твоё сердце на более чуткое. Глаза научатся увидеть то, чего не видят остальные. Уши услышат то, что не разбирают простые люди. А нос начнёт улавливать такие запахи, которые не унюхает ни один зверь. Духи сделают твоё тело необычайно сильным. Ты станешь обновлённым, совсем иным, кем был раньше. Если через три дня ты не вернёшься, значит, духи не признали тебя своим приемником и умертвили насовсем. Если же духи примут тебя – я уйду в лес, где звери съедят меня».

–А как одет колдун?– допытывался Орин.

–Простые аборигены носят только набедренные повязки, тогда как тело шамана украшает огромное ожерелье из очень крупных ракушек, нанизанных лесенкой. Маленькая ракушка в самом низу, затем по возрастанию до самой шеи. Это символ лестницы, по которой в молитве шаман взбирается на небо. На голове у колдуна ободок короны с рогами, в которую воткнуты перья и цветы.

–Это должно быть прекрасно быть паломником, нести в серые, дикие массы свет религии,– мечтательно проговорил Норман.

Орин почувствовал, что Сэндл говорил не от чистого сердца. «Кривляется перед дамами, выставя себя человеколюбом»,– решил мальчик.

–Представьте, все бы сорвались с обжитой земли и пошли паломниками-пилигримами по свету, призывая друг друга к добру... Да мы бы превратились в пищу для хищников, и ста-

ли бы вновь дикими племенами, со временем забыв и речь,— пугал Филдинг-старший.

—А, может, эдак было бы и лучше! Вдруг разум человеческий осушит моря и реки, отравит воздух и истребит всех животных? Это же мировой кошмар...— рисовала другую крайность Джобет.

—Если человечество достигнет такого прогресса, то будьте уверены, сможет воссоздать погибшие, вымершие виды флоры и фауны, заселит ими, положим, Луну,— выступил с верой в человечество Драммонд.

—Ох уж эти учёные, всё бы им только мечтать,— усмехнулся Норман.

—Кстати, мистер Сэндлер, Вы не слышали, кто в этом году поедет на соревнования по боксу от Милфорд-Хейвена?

—Поговаривают, что на соревнования выдвинули новичка. Некого Персиваля Росса. Он из Нового Света, но вояка яростный, побил всех предыдущих чемпионов нашего города. Манеры у парня, тоже, говорят, наилучшие.

—В 1.819 году будет столетие, как в Англии проводятся соревнования по боксу. Надо будет обязательно вырваться в Лондон,— надеялся на лучшее Остин Филдинг.

После обеда доктор заторопился домой.

Орин ушёл в свою комнату собирать вещи в дорогу.

Судья предложил коллеге прогуляться по саду.

Граветин, усаживаясь за вышивание напротив сестры и матушки, делилась сновидением:

—Мне снилось, будто я лечу на ковре над Кембрийскими горами. Рядом парит стая лебедей. В мои волосы вплетены маргаритки. Бабочки играют со мной, отвлекая от созерцания местности. С высоты вся мрачность пейзажа пропадает. Уэльс кажется милой, чудесной страной. И, видится, что в лесах, которые растут на склонах гор, живут забавные, добрые эльфы, а в реках плавают красивые русалки.

—Ах, какой чудесный сон! Это к чему-то хорошему и дивному,— вздохнула Джобет.

Филдинг-старший окликнул молодого человека:

—Сэндлер.

—Да, босс?

—Кому из моих дочерей Вы отдаёте предпочтение? Я хочу видеть Вас своим родственником.

—Ваше отцовское сердце не ошибается. Я смею просить у Вас руки Граветин.

—Граветин?! Но почему Вы оставили без внимания старшую из сестёр? Вам не стыдно свататься к младшей, тогда как Наяда ходит не обручённая, она даже ни с кем не помолвлена!

—Но Наяда так хороша, что не засидится в девах.

—Хорошо... Сердцу не прикажешь... раз Вам нравится моя младшая дочь...

—Можете объявить о нашей помолвке,— перебил его Норман.

–Зачем же нам спешить?

–Я боюсь, что женитьбу придётся отложить, если мой брат уйдёт в мир иной.

–Тогда поторопимся.

И за ужином Филдинг-старший торжественно объявил:

–Мой коллега мистер Сэндлер...

Дочери замерли. Их вилки повисли в воздухе.

–...желает взять в жёны...

Обе девушки судорожно сглотнули.

–...Граветин,– закончил фразу отец.

–Граветин,– эхом отозвалась Наяда.

Младшая победно глянула на старшую. Остин с болью заметил, как глаза его любимицы Наяды застлали слёзы, но девушка стойко продолжала жевать овощи. Через минуту её глаза высохли и ничего не выражали, её лицо приняло свой обычный, невозмутимый вид.

Брат переводил взгляд с одной сестры на другую. Даже он догадался, что обе хотели понравиться франту Сэндлеру.

–Орин, ты можешь остаться ещё на пару недель,– заявил Филдинг-старший,– В это воскресенье мы едем на венчанье сквайра Боу, а на следующей – будет обручение твоей сестры с мистером Сэндлером.

–Спасибо, папа, я рад, что поучаствую на этих праздниках.

Позже отец зашёл в комнату Наяды. Девушка расчёсывала

свои длинные, блестящие волосы.

—Ты уязвлена?

—Вовсе нет. Зачем мне муж, который не оценил меня с первого взгляда,— кривила душой дочь.

—Вот и славно,— обрадовался обманутый глава семейства,— Я опасался, что ты возненавидишь сестру.

В это время Джобет склонилась над кроватью сына.

Поцеловав Орина на ночь, она шептала:

—Я боюсь отпускать тебя в море... Может, ты станешь судьёй, как папа?

—Но, мама, сейчас такие надёжные корабли!

—Боюсь, что море никогда не назовёшь спокойным и предсказуемым.

На свадьбу к мистеру Боу Няда и Граветин ехали в одной карете с овдовевшей сестрой отца — миссис Тиной Бонэм. Не взирая на приличные лета, 48 лет, пожилая дама выглядела прекрасно. Её умело накрашенное лицо до сих пор притягивало взгляды молодых людей.

Престарелая миссис Бонэм взяла на себя ответственность почитать молоденьким леди нравоучения.

Сурово глянув на расслабившихся от тряски девиц, родственница величавым тоном произнесла:

—Меня поставили перед фактом, что мисс Граветин Филдинг собирается замуж. А говорил ли вам кто-нибудь, чем высокородная дама отличается в браке от обычной женщи-

ны?

Девушки недоумённо распахнули глаза и покраснели.

Пожилая дама продолжала назидательную беседу:

–Так вот: аристократка не должна уподобляться шлюхам из бордели. Супружеский долг надо выполнять со снисхождением раз в несколько месяцев. Только тогда муж будет вас ценить и уважать, и вы ему не наскучите. Муж также будет уверен, что холодная жена не возжелает другого мужчину. И ничего страшного, если муж будет посещать бордели. Себя надо беречь, а у мужчин завышенная потребность в телесном соитии. Мы – гордость и красота нации, мы обязаны быть красивыми, воспитанными и хладнокровными. Мы не должны замыкаться на семье, обязаны появляться в Свете в новых нарядах и блистать, блистать... А если высокосветская дама будет каждый год рожать, как крестьянка, когда же ей выезжать в общество? И на кого она станет похожа?

Наяду подмывало спросить: почему же тётя Тина не удосужилась подарить мужу хоть одного наследника, но это прозвучало бы так бестактно и жестоко...

Из кареты сёстры Филдинг вылезли разруганные и смущённые.

При напоминании о предстоящей свадьбе Граветин, в Наяде тихо закипала злость, хорошее настроение улетучилось. А тут ещё толпа нищих у церкви затянула заунывное выпрашивание милостыни.

И Наяда высокомерно отвечала попрошайкам:

—Бог подаст.

—На свадьбах принято раздавать мелочь беднякам,— на-
помнила Граветин.

—Нечего поважать бродяг, так они никогда не уйдут из го-
рода. Права была Елизавета Первая, что издала указ вешать
попрошак. Надо работать или плыть в Америку, там земли
и лесов много: строй дом, сей посевы.

Граветин, не взирая на злопыхания сестры, раздала все
свои мелкие монеты нищим. Те радостно загалдели, желая
доброй и щедрой девушке всех благ.

Миссис Бонэм, пытливо глядя на старшую племянницу,
напомнила той:

—Храм место, где люди вспоминают о душе.

Приглашённые на торжество гости съезжались к церкви.

Норман Сэндлер подошёл к семейству Филдингов, рас-
кланялся, приподнимая цилиндр, поцеловал девушкам ру-
ки.

Подкатали карета с молодожёнами. Боу вывел юную кра-
савицу. Ей сшили белое платье не по французской моде, а
приталенное, с пышными юбками.

Оттавия приподымая юбки, чтоб не запутаться в них, схо-
дя со ступенек, жалуется жениху:

—Мне кажется: я выгляжу, как гусеница, которая вознаме-
рилась сбежать из своего кокона, но застряла в нём.

Сквайр Освальд Боу не счёл нужным ответить, лишь пе-
редёрнул плечами. Он повлёк хрупкую невесту в храм. Сила

воли ей вдруг изменила – из глаз полились слёзы, она быстро накинула полупрозрачную фату.

Орин Филдинг стоял с матерью у входа, поджидая «молодых». Сыновья Боу ещё болели и коробочку с кольцами поручили нести Филдингу-младшему.

Мальчик даже издали заметил, что девушка плачет, и тут же спросил:

–Мама, почему невеста плачет?

–У невест так принято, малыш.

–Она не хочет уходить из дома родителей?

–Бывают слёзы радости, Орин.

–Но невеста ни разу не улыбнулась.

–Иногда люди вступают в брак, не любя друг друга. Обычно, это касается богатых.

–Ну, уж нет, я женюсь на той, которую люблю.

Мать улыбнулась и погладила ребёнка.

Невеста приближалась к ним, поток слёз всё ещё лился из её огромных глаз.

–Мама, почему лицо невесты закрыто густой, белой вуалью? Оно кажется таким прекрасным, я хотел бы получше рассмотреть его.

–Орин, иди вслед за девочками, – подтолкнула его мать.

Сзади длиннющий шлейф фаты невесты несли Лэсли Боу и Билинда Драммонд. Доктора с семьёй приглашали на все торжества все его пациенты, вот и сегодня он принял участие в главном событии этого года семьи Боу.

Орин Филдинг засеменял к алтарю позади пышной процессии. Он с особой, трогательной торжественностью нёс коробочку с кольцами. Его костюм не отличался от парадной одежды джентльменов.

Норман Сэндлер в церкви сидел на сидении возле Граветин.

Он рассеянно спросил у своей невесты:

—Что ты думаешь об этой девушке, что ведут под венец?

—Ослепительно хороша.

—Зачем я спросил? — слабо улыбнулся адвокат. — Другого мнения и не может быть.

Граветин с сомнением глянула на жениха... хотя, что плохого в том, что человек восторгается шедевром Творца?

Джобет, вошедшая последней, села рядом с мужем в предпоследнем ряду.

Она довольно шепнула мужу:

—Эта женщина из низов своим появлением взволновала всю общественность.

Присутствующие действительно шушукались и переговаривались, ещё никогда во время брачной церемонии не было так шумно.

Оттавия поборола сомнения и гордо шла мимо нарядно разодетых гостей из Высшего Света.

—С каким достоинством держится эта итальянская девочка, будто леди самых благородных кровей, — удивился Остин Филдинг.

Граветин искренне жалела красавицу Оттавию:

—Как порою жесток мир... Такую молоденькую и прелестную девушку отдают замуж за старика...и это считается отличной партией!

—Ну не такой уж он и старый, раз смог её обесчестить,—сдерживая ухмылку, заметил Бернхард Драммонд, который сидел с другой стороны от Граветин.

—Мужчина до глубокой старости — жених,— изрёк Норман.

—А где родители этой девочки? — не унималась мисс Филдинг.

—Матери у неё нет давно, а остальным родственникам сквайр Боу запретил общаться с Оттавией,— рассказал последние сплетни Бернхард.

Миссис Бонэм, что сидела сзади, сделала молодым людям замечание:

—Негоже переговариваться громче органной музыки.

Наяда с завистью наблюдала, как сестра активно перешёптывается с Норманом. Она с родителями сидела намного дальше, ближе к выходу, и не имела возможности слышать на какую тему беседуют «влюблённые».

Брачующиеся подходили к алтарю, как вдруг очаровашка Лэсли наступила на фату, подвернула ногу, упала на Орина; мальчик, падая, конечно, выронил коробочку, и кольца разлетелись в разные стороны. С невесты слетела фата, и зал вмиг смолк, любясь растерянной, обворожительной девушкой.

Билинда Драммонд испуганно схватила себя ладонями за щёки.

Джобет бросилась поднимать сына. Мальчик вырвался из её рук, сгорая от стыда, он убежал к Граветин, пряча лицо в её рукав. Миссис Филдинг замешкалась и приняла участие в поисках колец, обводя недоумённым взглядом вокруг себя.

Лэсли боялась плакать от страха. Её поднял с пола Теодор Торнтон, муж Виндэлии, задумчивый субъект с неряшливой причёской из светло-русых волос, плотного телосложения. Виндэлия искала пропавшие золотые украшения. Её хорошенькие сыновья Алан десяти лет и Тим девяти лет уже на четвереньках заглядывали между рядами.

Когда нетерпеливые руки старшей дочери сквайра Боу обшаривали пространство пола в поисках пропавших сокровищ, фату невесты запутали так, что неудобно стало водворять смятую тряпку с пола обратно на голову красавице. Виндэлия с обескураженным видом скомкала материю фаты и держала в руках, отстранившись от поисков.

Одно большое кольцо, предназначавшееся мужу, нашла Наяда, и с улыбкой вручила невесте. Второе же кольцо бесследно исчезло, видно кто-то позарился на чужое добро. Зависла неловкая пауза в праздничной процессии.

Джобет Филдинг поспешно сняла с пальца один из своих перстней с рубином и отдала невесте, так как посчитала, что драгоценность проворонил её сынуля.

Норман нарочно уронил носовой платок на кольцо Отта-

вии, наклонился и поднял обе вещи. Он удивился себе: раньше алчность была ему непресуша...нет, здесь другого рода жадность – жажда обладания красотой той девушки, которую ведут под венец со стариком.

Неуместно и глупо прозвучали слова Освальда Боу:

–Этим кольцом я связываю Вас, Оттавия, с мужем.

Со стороны можно было подумать, что церемония проходит без жениха, и отец или поверенный надевает молоденькой девушке кольцо, и обязывает её быть верной тому, кто является членом той семьи, кто ему вверил драгоценность.

Далее господа проехали в дом мистера Боу, где прошёл праздничный фуршет.

Дети под присмотром гувернанток ели праздничный обед в другой зале, отдельно от взрослых.

Вечером Орин, укладываясь спать, жаловался маме:

–Я так и не разглядел лицо невесты вблизи. Сначала она плакала и накрылась вуалью, затем плакал я, уткнувшись сестре в рукав. А после нас угощали в другом зале.

–Вернёшься из Итона и увидишь Оттавию у нас на балу в честь твоего прибытия.

–Но ведь все говорят, что нельзя пускать в Высшее общество кого попало с улицы.

–Говорят. Но в Высшем Свете полно проходимцев. А перед такими прекрасными созданиями, как Оттавия Малевольти, открываются любые двери.

Мать склонилась над сыном, любовно целуя в щёку. Долго

любовалась лицом мальчика.

—Я хочу сделать тебе подарок, Орин.

Джобет раскрыла ладонь, и мальчик восхищённо воззрился на чудесный, сине-зелёный камень, играющий гранями, от бликов свечи.

—Это изумруд — камень моряков. Он приносит удачу тем, кто любит море.

—Он сам похож на море, мама. А невесте ты отдала перстень с рубином, у которого огранка была такой же, как у этого изумруда?

—Да, зачем нам два схожих камня в одинаковой оправе? Вырастишь, будишь носить этот перстень.

После ухода гостей, Освальд со скабрёзной улыбочкой пригласил новобрачную в свою спальню.

Оттавия побледнела и умоляюще просила:

—Я боюсь Вас. Дайте мне привыкнуть к Вам.

—Как ты можешь бояться? У нас уже была близость!— наступал на неё сквайр.

—О которой я, к счастью, ничего не помню!

Освальд передёрнул плечами, но процедил:

—Как Вам будет угодно, миссис Малевольти.

—Сеньора Малевольти. В Италии замужних дам называют «сеньора».

—Смотрите-ка, я думал: привёл в дом тихую мышку, а в шкурку мышки рядился зверь непонятной породы, которого,

я подозреваю, называют мегерой.

–Спокойной ночи, сэр.

–Иди-иди, детка, к себе, а то схлопочешь по попке.

Отту долго уговаривать не пришлось, она, чуть ли не бегом, ринулась в свою спальню, закрыла дверь на щеколду и устало стала стягивать платье.

Что-то зацепилось за кружева. Ах, да, это же перстень Филдингов! Даже она была наслышана об этой семье, ведь её глава – судья.

Девушка высвободила перстень из плена кружев и залюбовалась блеском камня. Она, конечно, даже не догадывалась, что в эту минуту мальчик Орин восторгается изумрудом с такой же огранкой.

Эммит Боу поправился быстро. Артур же тяжело болел уже неделю.

Оттавия сменяла дежурства доктора и гувернантки, ухаживая за больным ребёнком.

Сегодня Отта застала Артура бодрым. Он полулежал на больших подушках.

–Наконец-то ты пошёл на поправку!– вырвался у девушки возглас радости.

–Кто Вы?

–Я вышла замуж за твоего отца, пока ты болел.

–А я думал, меня украли злые тролли и мучили. А прекрасная фея, такая же пленница, как и я, ухаживала за мной,

больным.

—Меня зовут Оттавия.

—А можно называть Вас мамой?

—Спасибо, сынок. Что-нибудь хочешь?

—Почитайте мне книгу, если Вам не трудно.

Девушка потупилась.

—Артур, я не умею читать.

—Как?

—Я не англичанка.

—Я научу Вас читать, это совсем не сложно.

Провозившись с грамматикой, Отта и мальчик устали. Девушка отложила в сторону грифель и бумагу, и принялась рассказывать мальчику о цветущих садах Сицилии, о жарком солнце.

Её дежурство сменил доктор Драммонд.

Оттавия зашла в детскую к Лэсли. Девочка игнорировала мачеху.

—Лэсли, я же ничего плохого тебе не сделала, почему ты избегаешь меня?

—Ваше общество мне не нравится,— скривила губы падчерица.

—А тебе не скучно играть одной?

—Ничуть. У меня много кукол.

—У тебя скоро появится брат или сестра, будешь играть с младенцем?

—Ну вот ещё! Я не няня, чтобы возиться с малышами. За-

чем ты пришла сюда?! Раньше я была любимицей всех и маленькой принцессой, а теперь всё внимание достанется твоему карапузу!

И девочка сердито отвернулась от Отты.

Мачеха ушла в комнату к Эммиту. Тот с грустным лицом рисовал деревья. Он обернулся на вошедшую, но лишь кивнул девушке, продолжив занятие.

—В чём дело, малыш? Чем ты рассержен?

—Лэсли говорит, что, общаясь с Вами, я предаю память матери...

—Она просто завидует нашей дружбе! Её злое сердце не способно дарить любовь, потому ей неприятно видеть, как радуются жизни другие. И любая мать радовалась бы на небесах, что её дитя любимо.

Ребёнок встал со стула и обнял Оттавию.

—Я соскучился, мама,— прошептал он.

«Мальчик похож на отца внешне, но такой ласковый и добрый, что никак не скажешь о мистере Боу»,— подумала девушка.

Филдинга-младшего отправили в учебное заведение для аристократов после свадьбы сестры Граветин с Сэндлером.

Чета Боу на знаменательном событии бракосочетания не присутствовала, сквайр сослался на то, что его жене в связи с интересным положением надо беречь здоровье.

А Оттавии сказал:

—Я найму репетитора по бальным танцам, раз тебя принял Свет, как равную, ты должна быть совершенной не только в красоте, но и в танцевальных па. Таковую прелестницу наперебой кинутся приглашать почтенные кавалеры. Пожалуй, найму ещё учителя французского языка и учителя по этикету. Глупость в нашем круге прощается, но незнание этика — никогда. А сейчас ступай в свою комнату, там ждёт тебя доктор Драммонд. Я вызвал его, чтоб он осмотрел тебя.

—Зачем?

—Ну, мало ль что! Может, таз у тебя слишком узкий, и тебе лучше сделать аборт.

—Спасибо за заботу, но на аборт итальянка никогда не согласится. Детей даёт Господь, и мы не должны убивать их в чреве.

—Всё равно пусть тебя осмотрит специалист, так я буду спокоен. Только приобрёл отличную мачеху-гувернантку для детей, и не хочу тебя терять.

Девушка в душе возмутилась: «Приобрёл! Говорит обо мне, как о вещи!»

Когда Оттавия вошла в комнату, Бернхард казался взволнованным.

—Здравствуйте, миссис Мале...олите,— коверкая её фамилию и запинаясь, заговорил врач,— Для осмотра попрошу Вас снять платье и нижнее бельё.

—Малевольти,— поправила она и вспыхнула: предстать перед чужим мужчиной без одежды!

—Отвернитесь,— попросила она.

Драммонд исполнил просьбу.

Сгорая от стыда, Отта освободилась от дорогой, верхней одежды. На ней остались чулки, исподняя нижняя юбка и сорочка на бретельках.

Мужчина развернулся. Его глаза поддел туман, когда он увидел тончайший стан, переходящий в казавшиеся широкими бёдра; холмики-груды имели совершенную, каплевидную форму.

—Ложитесь на кровать, я пощупаю Ваш живот, миссис Мале...

—Малевольти,— подсказала полуобнажённая, ложась на ложе.

—Малевольти,— повторил незнакомое для себя слово Драммонд.

Коснувшись о нежную кожу живота, рука доктора надавила в нескольких местах, затем опустилась на бедро. Девушка нахмурилась.

—Оттавия, ты не должна меня бояться, я же доктор.

—Тогда уберите руку с моей задницы.

Трясущаяся ладонь мужчины скатилась с аппетитных бёдер. И тут же тело Бернхарда навалилось на неё. Он впился губами в её рот. Его противный, скользкий язык обшаривал пространство её рта. Оттавии это показалось отвратительным и гадким. Одна рука доктора больно сжала её грудь, другая нырнула вниз, расстегивать брюки.

Девушка нащупала на тумбочке узкую вазу, и опустила её на голову насильника. «Я, что, создана для искушения мужчин? Этот господин ранее казался таким положительным и воспитанным...»— удивлялась Отта. Она вырвала своё тело из под придавившей тяжести.

Ваза, видимо, была из толстого стекла, она не разбилась. Держась за голову, доктор стонал.

Сам, превратившись в жертву, он умолял:

—Прошу: только никому не говорите о происшедшем казусе. У меня двое маленьких детей, их надо кормить. А кто меня будет приглашать в благовоспитанные дома, если моя репутация будет подмочена?

Драммонд кривил душой, его отец нажил такое состояние, что всем его потомкам можно было не работать лет сто, но Бернхард надеялся, что Оттавия этого не знает, он рассчитывал на её доброту и лояльное снисхождение.

Доктор поправил одежду и вышел.

У выхода он передал слуге:

—Передайте мистеру Боу, что его жена совершенно здорова.

За ужином Освальд заметил на лице у суженой некое беспокойство.

После трапезы, отослав детей спать, он прямо спросил у супруги:

—Что произошло между Драммондом и тобой? Почему

доктор вылетел из дома, будто за ним гналась свора собак?

Правда была дороже для честной девушки, чем покрывательство негодяя, она с обидой вымолвила:

—Этот господин, что именуется врачом, распускал руки!

—Докторам это не возбраняется, моя дорогая.

—Он поцеловал меня, и я его ударила,— опуская подробности, вынуждена была рассказать Отта.

—Докторишка потому вёл себя развязно, потомучто считает тебя уличной девкой! С дворянкой он был бы обходителен и даже побоялся бы косо взглянуть!— сурово отчитывал жену Освальд.

—Я не намерена выслушивать подобные обвинения!— вспылила Оттавия и вышла из-за стола.

«Нахал, конечно, рассчитывал, что девчонка предпочтёт ласки молодого мужчины, чем приставания старика, но она ещё слишком наивна и юна,— думал Боу,— А Отта — молодец, не поддалась. Я не ошибся, сделав её женой».

Беула Спенсер напряжённо вглядывалась у окна в гущу деревьев в саду. Она ждала любовника. Через потайную калитку в саду в домик смотрителя за цветами должен прийти человек, которого она с нетерпением ждёт. В этот день недели, в назначенный час Спенсер всегда отпускала садовника на выходной, тот уезжал в деревню навестить мать.

«Как глупо волноваться, он обязательно придёт»,— ругает себя влюблённая девушка.

Дрожащей рукой наливает в бокал вина, что принесла с собой в корзине с другими деликатесами.

Открывается дверь.

–Здравствуй, Бернхард,– выдыхает Беула.

Мужчина молча берёт из рук девушки бокал и ставит на стол, затем поспешно обнимает желанную, ненасытные губы ласкают всё её лицо. Этот педант и зазнайка преображается. Теперь он больше похож на холерика, который спешит и не может успокоиться, унять жажду обладания.

15 февраля 1.801 года повитуха приняла роды у Оттавии Малевольти, которая произвела на свет близнецов-девочек.

Появившуюся на свет первой мать назвала, как ангела – Умбриэль. Раздумывала, как назвать вторую. И тут пришёл муж взглянуть на новых членов семьи. Поморщился, углядев в черноволосых малютках все черты их матери.

–Вон ту, что всё время орёт, назовём Джессика, в честь моей матери, та тоже была женщина с норовом,– распорядился он и вышел, даже не поздравив жену с прибавлением.

Их отношения стали носить враждебный характер. Юной Оттавии, конечно же, хотелось идеальных знаков внимания, преданности, любви, взаимопонимания. Но взрослый мир мистера Боу не соприкасался с наивными мечтами молоденькой девушки.

Пока ещё живота не было видно, Малевольти приглашали на балы, где она ненароком и слышала смешок, что, де-

скать, до чего горяч «старикашка» Освальд Боу: женился на девочке, а как был постоянным визитёром притонов с дешёвыми шлюхами, так и после женитьбы не забывает старых развлечений. Вторая сплетница отвечала подруге, что «потому и бегают мистер Боу к проституткам, что жена совсем молодая, неопытная». И никому и в голову не пришло, что Оттавия игнорирует своего мужа. Она с усмешкой подумала, что зря ждала, что путём привязанности возникнет любовь, этот человек вызывал в ней неприязнь, а теперь ещё и брезгливость. Сердцем она чувствовала, что Боу видел в ней не любимую женщину, а объект для наслаждений, и не настолько желанный объект, чтоб ради её любви отказаться от других женщин.

Тем временем вся Европа следила за Наполеоном. Его генерал Моро нанёс полный разгром Австрийской армии в Баварии. Бельгия и левый берег Рейна безоговорочно прикнули к территориям Франции.

20 февраля. К дому Боу подошёл престарелый отец Оттавии. Ему показалось, что вид дома недоброжелательный, негостеприимный, равнодушный ко всему окружившему его великолепию соседних садов и особняков. Этот дом, словно скупой старик, жил своей прозябающей жизнью, тая в себе сокровище – юную, прекрасную Отту.

Слуга передал хозяину просьбу «какого-то оборванца» повидать дочь.

—Видимо, старик что-то напутал... Как можно звать прислугу с парадного крыльца... — сказал предположения слуга, даже не догадываясь, что гость хочет видеть его госпожу.

Всё, что касалось строптивой Оттавии злило Освальда, он спустился сам, открыл дверь, и, в ярости сверкая глазами, крикнул:

—Пошёл вон! Я запретил кому-либо из вашей семейки появляться на пороге моего дома!

Старик заплакал.

—Я хочу повидать своих девочек,— ломая слова от переживания ещё больше, попросил Малевольти-старший.

—Нечего на них смотреть, девчонки на одно лицо со своей мамашей. Глянь в зеркало, увидишь там свою итальянскую, мерзкую рожу, предай ей мысленно женственные черты — и любуйся,— издевался Боу.

—Вы — жестокий человек.

—Ждёшь, когда я спущу собак?!

Рыдая, старик побрёл прочь.

Отта стояла у окна и тоже плакала в голос, глядя, как отец удаляется всё дальше. Но разве может она что-либо приказать могущественному мужу?

Она взяла крошек из колыбели и положила на кровать. Легла рядом, поглаживая их головки. Слезы всё ещё катились из глаз.

Вошёл муж и закричал:

—Что за плебейская замашка спать вместе с детьми?! Для

этого есть колыбели и гувернантки!

—Почему Вы выгнали моего отца? Я могла бы сама спуститься к нему.

—У нас был уговор относительно посещений родственников.

—Мой отец не джентльмен, чтоб придерживаться идиотских уговоров. В итальянской семье все любят друг друга, и заботятся даже о дальних родственниках.

—Так, значит, ты не издевалась над родственниками? А кто затюкал бедняжку Зилу?!

—Я же извинилась перед ней...

Крик разбудил близняшек. Они дружно заревели. Освальд скривился и покинул спальню жены.

После его ухода в дверь кто-то постучал.

—Войдите,— утирая слёзы, разрешила Оттавия, укачивая плачущих деток.

С радостными лицами Артур и Эммит вошли с цветами.

—Нам наконец-то разрешили посмотреть на сестёр,— выпалил младший.

—Мадонна! Да где же вы отыскиали цветы?— ахнула мачеха.

—На пристани. Моряки иногда привозят цветы жёнам из тёплых стран, вот мы и упросили одного продать букет,— рассказал старший.

—Какие вы предприимчивые! Уж не открыть ли нам своё дело?

—У папы есть шляпный салон,— напомнил Артур.

—Я не хочу всё время сидеть дома, малышей можно будет брать с собой, ведь везде есть склады и подсобки,— заявила Отта.

—По-моему, папа обрадуется такому повороту событий,— рассуждал, как взрослый, старший мальчик,— Чем платить управляющему, лучше будет, если кто-нибудь из семьи будет вести дела.

—Ну, идите же поближе,— подозвала мачеха.

Мальчики приблизились.

Эммит поставил букет в вазу.

—Та, что зевает — Умбриэль. А та, что хмурится — Джессика.

—Ой, мама, как же Вы их различаете?— удивился ребёнок помладше.

—У Джесс губы чуть-чуть потолще и брови изогнуты домиком. Хотите их подержать?

—Они такие маленькие и хрупкие, что страшно брать малышей на руки,— заволновался Артур.

—Тогда садитесь на кровать рядом, уж отсюда никуда их не уроните.

Братья уселись. Оттавия аккуратно переложила им в руки живые свёртки.

—Так, ребята, обязательно поддерживайте голову младенцу, мышцы на его шее ещё слабы и не могут держать такой груз.

Малевольти села на колени напротив детей и счастливо

улыбалась тому, что видела с какой нежностью и восхищением братья глядят на сестёр.

Достопочтенный судья Остин Филдинг светился от счастья, когда Граветин разрешилась младенцем мужского пола. Мальчика называли Джозеф. Роды хоть и были преждевременными, но прошли успешно. У ребёнка был отменный аппетит, и он быстро набирал вес. К удовольствию бабушки малыш Зэф повторил все черты лица матери.

Норман Сэндлер стал бароном, поместье вверил сестре Илларию, и получал солидные дивиденды с земель, ничем себя не утруждая. Его карьера и слава стремительно росли. В свои 25 лет он уже слыл популярным адвокатом в городе.

Вот и сегодня, 25 февраля, довольный делом, что завершил с честью для себя, Норман вернулся домой, и хвастался за ленчем перед тётшей:

—Применил метод диалектики, что разработал ещё Сократ в своё время, путём наводящих вопросов отыскал истину!

Джобет задумчиво кивала.

Наяда же «вся обратилась в слух».

Глава семьи отсутствовал, задерживаясь на работе.

—А почему Граветин всё ещё не присоединяется к нам?— рассеянно спросил Норман, вспомнив о существовании жены.

—Я не позволяю ей вставать. Она всегда отличалась хрупким здоровьем,— взывая к состраданию зятя, оповещала мис-

сис Филдинг,— Вы бы, Норман, зашли к ней. Она Вас ждёт. Уже пять дней, как родился ваш сын, а Вы были у Граветин всего пару раз.

—Работа, работа... Вот и сегодня я не могу навестить жену: мне нужно написать отчёт и подготовить обвинительную речь для нападок на врагов очередного подсудимого. Встреча с женой взбудоражит меня, а мне нужна светлая голова.

Вечером Норман уединился в саду. Сидя на скамейке, мечтательно вглядывался в звёздное небо.

Рядом, ёжась от вечерней прохлады, села Наяда, укутанная в кашемировую шаль. Сэндлеру не понравилось, что кто-то врывается в его мир грёз.

Девушка сбивчиво заговорила:

—Норман, я была сегодня на заседании суда... ты просто очаровал публику своим выступлением.

—Благодарю за комплимент, сестричка.

—Пожалуйста, не называй меня так... это звучит фамильярно...

—Вот уж не хотел выглядеть фигляром! С каких это пор проявление симпатии к родственникам возбраняется?

—Я повторяю: для Вас я — мисс Наяда.

Она нервно тёрла руки.

—Вы замёрзли? Надо было перчатки надеть потолще,— то ли надсмехался, то ли говорил серьёзно Норман.

—Я выражаю протест Вашей глупой опеке, если я замёрзну, то уйду домой!

—Чего Вы злитесь? В чём же я провинился перед Вами?

—Спокойной ночи, мистер Сэндлер,— нарочито холодно пожелала ему Наяда.

—Спокойной ночи, дорогая сестра,— в высшей степени любезно, с доброжелательной улыбкой на лице, дразнил самообладание самоуверенной Наяды Норман.

В её глазах отразилась ярость, и Сэндлер возликовал, он любил дразнить мегер. Он догадался. Что неспроста сестра жены ищет «нечаянных» встреч подальше от глаз родни. Его забавляло, что гордячка Наяда терзается от безответной любви.

В дверях Наяда столкнулась с Джоанной, любимой служанкой матери, и женщина укоризненно глянула на молодую госпожу.

От одного из окон отошла Джобет, покинув пункт наблюдения. Давно ушедшая любовь к Остину Филдингу перешла в чувство неприязни к его любимице Наяде. Теперь к развитию отчуждения была причина.

С того дня на Наяду со стороны матери посыпался шквал упреков, укоров и придилок разного характера.

К концу лета Оттавия Малевольти расширила бизнес мужа. В городе появилось ещё несколько магазинов разных профилей.

Умбриэль и Джессика росли на руках прислуги. Зато Артур и Эммит, как заправские бухгалтера помогали названной

матери вести документацию. Они играючи демонстрировали головные уборы покупателям, и никто не мог устоять перед милыми, вежливыми улыбками мальчишек.

Отта не забывала и об отдыхе. Всё лето она с близнецами и пасынками уезжала за город на пикники. Туда же доставляли её отца, Чезорино и Берту с их семьями.

Мальчики Боу и гувернантка Сьюзан, конечно же, не выдавали тайну Освальду, всем нравилось веселиться в большой, итальянской семье.

Когда карета с вензелем Боу первый раз остановилась у дома, где жила семья Малевольти, ещё не видя, кто выходит из неё, старик Марко сердцем почувствовал: приехала его Оттавия.

—Цветочек,— запричитал он, отложил в сторону инструменты и подбежал к окну.

Действительно из кареты вышла его девочка.

Марко и Чезорино со всех ног бросились вниз.

Оттавия упала в объятия отца, потом обняла и поцеловала в обе щеки брата. Все заливались слезами.

—Как тебе, дочка, живётся с этим чудовищем?

—Я практически не вижу Освальда.

Из кареты донёсся плач Джессики.

—Ты привезла малышей!— обрадовался новоиспечённый дед.

—Чезорино, зови Зилу, поедим на уик-энд.

Отец влез в карету. На руках у молоденькой, пухлой слу-

жанки Сюзанны лежало два свёртка.

—Мои лапуленьки, мои маленькие итальяночки,— заворковал Марко над младенцами.

—Папа, поздоровайся и с внуками, это — Артур и Эммит,— подсказала Оттавия, влезая в карету вслед за отцом.

Мальчики, оробев, сидели, помалкивая.

—О, моя семья выросла в три раза!— обрадовался старик, здороваясь с мальчиками за руку,— Я научу вас, что значит: быть итальянцами! Мы стоим горой за любого члена семьи!

После родственников привозили за город или в гостиницу наёмные экипажи.

Одна только Лэсли избегала мачеху. Она и с братьями разговаривала сквозь зубы. Зато теперь Освальд, жалея дочь, часто разрешал ей играть в своём кабинете.

Лэсли как-то утром и вовсе «забыла» поздороваться с мачехой и братьями.

Оттавия сразу дала определение этому поступку:

—О, Мадонна! Излишняя свобода только уродует людей. А от скуки и безнаказанности человек и вовсе превращается в чудовище.

Однажды Малевольти в своём магазине повстречалась с Беулой Спенсер. Та сделала незначительную покупку, но хозяйка салона сделала ей хорошую уступку, и прижимистая дама расцвела в улыбке.

Отта попросила:

—Леди Спенсер, зная, что Вы владелица многих прядильных фабрик, я осмелилась просить Вас взять на работу мою сестру Берту Фиоре.

—Я слышала о ней, как о талантливой вышивальщице... Что ж, я уверена, что миссис Фиоре сможет служить в качестве художника-новатора рисунков тканей.

—Я хотела бы сделать заказ на продукцию Ваших мануфактур. Я задумала не ввозить из Франции готовые головные уборы, а шить модели в ателье из Ваших тканей.

—Вы — умная и расчётливая женщина в хорошем смысле этого слова, миссис Малевольти.

Оттавия менялась на глазах. Итальянская кровь заговорила в ней в полный голос. Она уже не была робкой, стеснительной девочкой. Она стала весёлой и бойкой. Её добрые шутки ценили покупатели и не скупились.

Освальд разделил бизнес на свой и бизнес жены. Он продолжал ввозить дорогие шляпки из Франции, а Оттавия строила ателье. Боу злорадно ждал, когда дело жены прогорит, и он вечно будет упрекать её за недалёковидность.

Как-то он вошёл в спальню Отты. Та расчёсывала волосы у трельяжа, будучи уже в ночной сорочке.

Уловив в лице мужа вождедение, Оттавия со страхом переспросила:

—Что Вам угодно? Как Вы вошли?

—Я — хозяин этого дома, следовательно, у меня есть ключи

от всех комнат.

Страх сменился в душе у девушки на ярость.

–Насилия больше не будет!– заявила она.

–Куда ты денешься, деточка?– усмехнулся Освальд.

–Ещё шаг и я опрокину на Вас трельяж! Потом пойдёт в ход ваза. А отныне я буду спать с ножом! Вы больше не притронетесь ко мне!

–Какая, к чёрту, из тебя аристократка?! Дикая кошка!!!

Вот ты кто.

Мужчина в бешенстве схватил кочергу, что стояла у камина, и заявил:

–Ты из разряда прислуги, а чернь понимает только туманки.

Отта насмешливо переспросила:

–Вы опять желаете повторить прошлый «подвиг» насильника?

–Я – муж! И требую выполнения моих желаний!

–Тогда Вам снова придётся довести меня до бессознательного состояния, только в этом случае я подпущу Вас к себе.

–Зачем же ты шла за меня замуж?

–Чтобы не осиротить Ваших детей окончательно, и Вы это прекрасно знаете.

Боу размахнулся скрюченной железкой, и в тот же миг Оттавия опрокинула на него трельяж.

Обозлённая девушка кричала:

–Так и знай: ты отнял мою молодость, радость бурной

жизни, загнав в постылый дом, где сидишь ты!

—Как ты посмела поднять руку на мужа!— орал Освальд, всё его лицо было в крови, один осколок стекла даже торчал из щеки.

Он вновь наступал на неё, крепко держа оружие для наказания строптивницы.

Отта, отступая, горячо высказывалась:

—Весь этот год я не была итальянкой, а была каким-то забитым существом без своего слова! Теперь, поганый старикашка, ты поймешь, кому ты испортил жизнь! Ты привёл в свой дом врага, так и знай. Ласки от меня ты не увидишь никогда!

—Ты даже общаться с мужем не умеешь, куда уж там до ласки! Бесчувственный истукан в юбке! Бревно! И очень хорошо, что ты меня отвергаешь, а то плодишься, как таракан!

Преследователь загнал жертву в угол и со злорадством замахнулся вновь. Оттавия насмешливо глядела прямо в глаза палачу.

—Мама! Мама!— с криком ворвались в комнату Амазинг и Эммит.

Дети бросились к мачехе, заслоняя её от деспота. С широко раскрытыми глазами они смотрели на окровавленное и перекошенное злобой лицо отца, изумлённо переводя взгляд на его руку с кочергой.

—Тебя били, мама?— жалобно спросил Артур, заглядывая в бесстрашные глаза Отты,— Не бойся, мама, мы не дадим

тебя в обиду.

—Дорогой мальчик, женщину из клана Малевольти не так просто запугать, пока мы не упали, мы в состоянии за себя постоять.

—Папа, зачем ты нас пугаешь!?!— крикнул Эммит, слёзы разочарования катились по его щекам, отец так низко пал в его глазах.

Освальд молча покинул комнату.

Сбежались слуги. Молча, без вопросов, стали собирать осколки зеркал. Мужчины вынесли разбитый шкафчик трюмо.

Дети потянули мать за собой в комнату старшего мальчика. Там они, лёжа на одной кровати, долго болтали, пока не уснули.

Глава семьи заглянул в спальню Артура. Оттавия спала посередине, дети по бокам. «Она ненавидит меня, зато любит моих сыновей больше, чем своих дочерей, о девочках она вечером даже не спросила,— думал Боу-старший, глядя на мирно спящих домочадцев,— Ничего, подождём, когда-нибудь в девчонке проснётся женщина, и она сама прибежит ко мне, требуя исполнения супружеского долга».

Конец августа.

Наяда и Граветин совершали конную прогулку за городом.

—Я так рада, что мы, наконец, выбрались из города хоть к

концу лета. Маленький ребёнок – это так хлопотно! Столько проблем!– делилась радостью младшая сестра.

–Я не знаю, зачем ты вскармливаешь Джозефа сама, обычно все аристократки отдают младенцев кормилице.

–А я удивляюсь тебе! Дорогая, чем плох барон Михаэль Готлоб, что приезжает в Милфорд-Хейвен по делам из Германии?

–Что я тебе сделала, что ты решила услать меня так далеко от родины?

–Граф Борроудэйл боготворит твою красоту, у него такое высокое положение... На его земле добывают графит, как говорят местные: «плумбаго», оттуда графит развозят по всей Европе. Почему бы тебе пару раз ему не улыбнуться?

–Когда я спрошу твоё мнение, сестра, тогда и высказывайся, а решать за кого мне идти замуж предоставь моему сердцу.

–Боюсь: твоё чёрствое сердце никогда не откликнется на зов любви...

–Нет, лучше вцепиться в первого встречного, кто придёт свататься, как это сделала ты?

Неловкая, гнетущая пауза затянулась.

Лошади вынесли девушек к реке, берег которой кое-где покрывали заросли акации, а у кромки воды местами росли ивы.

Наяда повернула было кобылу к дому, как сестра окликнула её:

—А давай, как в детстве, скинем одежды и нырнём в прохладную водицу?

Место безлюдное, до ближайшей мельницы надо было порядком скакать вниз по течению, чего бояться? Последние тёплые деньки уходящего лета, когда ещё доведётся побаловать себя купанием в реке? Что в этом плохого? Да и с сестрой надо помириться... Наяда спешила. Стала снимать громоздкий костюм амазонки, аккуратно складывая вещи на травке. Затем тихо вошла в леденящую воду и неторопливо поплыла.

Граветин сложила одежду на седло и с визгом вбежала в реку. Сестра успела заметить, как налились груди кормящей мамочки. Младшая шумно плескалась у берега, затем поплыла вдогонку, нырнула...

Наяда заплыла уже на другой берег, а голова Граветин всё ещё не показывалась из-за мелкой зыби волн. Старшая разозлилась: «Зачем она пугает меня?» Но через минуту испуганно побежала к реке, предполагая: «Что же случилось? Ударилась о дно? Зацепилась о корягу? Наглоталась воды? Попала в холодное течение, и у неё свело ногу?»

Она ныряла до изнеможения, но так и не увидела сестру. Видимо, ту унесло течением.

На берег девушка выползла без сил, тело сотрясали рыдания. Волосы выбились из причёски, и теперь облипали голые плечи. Она села, обхватив колени руками, и просидела так неизвестно сколько. Слезы со временем высохли, Наяда по-

тянулась к одежде, но не нашла её, вместо этого её рука наткнулась на чей-то сапог. Девушка испуганно подняла голову и застыла в изумлении. Её замершее тело бросило в жар от стыда. Над ней возвышалась фигура Нормана Сэндлера.

—Ты вся синяя, Наяда. Как долго ты так сидишь?

—Не-не-не знаю.

Мужчина расстелил её одежду, живо достал фляжку из сапога, и к возмущению девушки принялся растирать озябшую кожу спины виски. Она издала нечленораздельный звук, когда его сильные руки опрокинули её на живот и прошлись быстрыми движениями по заду и ногам.

—Спереди тоже надо растереть, на,— Норман всунул в её руки фляжку.

Наяда продолжала лежать, её зубы стучали от холода.

Видя, что девушка вне себя, мужчина стал тормошить её за плечо:

—Дурёха, ты, что хотела утонуть? Или промёрзнуть, заболеть и умереть? Из-за меня?

Та обвела глазами лужайку, и заметила, что лошадь сестры отвязалась и ускакала вместе с одеждой Граветин. Надо как-то сказать Норману о случившемся. Забывшись, что она совершенно голая, Наяда привстала. Виски в её руках опасно накренилось, грозясь пролиться. Мужчина переводил взгляд с фляжки на заманчивую наготу. Дрожащими руками взял виски.

—Я сам тебя натру, раз ты не в состоянии.

Его руки, мокрые от спиртного, коснулись её шеи и поскользили вниз, но уже не быстрыми движениями, а плавными, томными. Вдруг Норман прижался к её телу. Его руки жадно гладили спину Наяды. Девушке тоже захотелось обнять мужчину, коим она бредила этот год.

Но она всхлипнула, набралась храбрости и выпалила:

–Почему ты не спросишь где моя сестра? Ведь ты приехал искать нас обеих?

Руки мужчины замерли.

–Зачем ты вспоминаешь о Граветин?– зашептал он,– Ты ведь хочешь меня?

–Да, я люблю тебя. Но не могу быть твоей женщиной в день смерти своей сестры.

–Что?!– Норман подскочил.

Наяда поспешно принялась одеваться.

–Она утонула,– вновь всхлипнула девушка.

Пустыми глазами Сэндлер уставился на спокойную рябь волн. Потом допил остаток виски, помог свояченице залезть в седло, и угрюмый ехал всю дорогу до дома. Он не любил Граветин, но успел привязаться.

«Наверное, это я виновата в смерти сестры...я так неистово желала быть вместе с Норманом...что небеса услышали мои мольбы...»– печально думалось Наяде.

Она вдруг испугалась: никому ещё не принесло счастья чужое горе.

После панихиды Сэндлеру не хотелось покидать уютный дом судьи, но что делать... «Оставить Джозефа здесь, или увезти малыша сестре Илларию? Та, безусловно, будет рада, своих детей у неё нет. А здесь свой наследник – Орин. Его не стали вызывать на похороны из Девоншира, чтоб не травмировать душу, – размышлял Норман, собирая свои вещи в саквояж, – За книгами по философии и праву пришлю потом слугу... Наяда боится на меня глянуть, видно жжёт стыд. Глупая ещё, думает, если кинулся на неё у реки, значит влюблён. Да любой нормальный мужик точно также среагирует на голое тело молодой, соблазнительной девушки. А почему бы и не совратить её? Она же не будет кричать о том, что сама забралась в постель к мужчине, да ещё и к мужу родной сестры! Ну, останется старой девой, да и чёрт с ней. Я-то буду далеко от дома Филдингов. Теперь надо плотнее подобраться к обожаемой Оттавии. Но как? С какой стати вдовец Сэндлер будет приглашать чету Боу? Какие у нас общие интересы? Никаких. Хоть бы кто на Малевольти предъявил иск что ли...»

–Собираешь вещи?– плаксивым голосом поинтересовалась вошедшая Наяда.

«Ага, я так и знал – прибежала проститься, – ухмыльнулся Норман, – Завалить её прямо здесь, на столе? А, что, экстравагантно и заманчиво». Он улыбнулся своим пошлым мыслям. Затем придал лицу скорбное выражение и обернулся.

–Наяда, ты будишь во мне насильника, – счёл нужным для

очистки совести предупредить Норман.

Она опять поняла его не так.

Закрывши лицо руками, девушка вопрошала:

—Почему ты сразу не женился на мне? Польстился на глупышку?

По мере того, чем больше говорил Сэндл, руки Наяды ползли вниз с лица, открывая удивлённые глаза.

—Твоя красота отдаёт льдом. Я никак не мог предположить, что столь шикарная девушка способна полюбить простого служащего... Граветин была простой девчонкой, без особого обаяния, готовая к подчинению, радостно и с благоговением заглядывающая в рот мужу, если тот говорит умную фразу. А ты...интеллектуальная, непосредственная личность...я боялся отказа...и боялся тебя.

Она во все глаза смотрела на него.

—Спасибо за откровение, значит, я внушаю тебе страх?—хватило у неё сил на иронию.

—Я боялся потерять голову. Боялся быть нелепым подкаблучником.

—Значит: ты меня любишь?—поспешила сделать вывод девушка, и к полной неожиданности Нормана, сама кинулась к нему в объятия.

Мужчина не успел возразить, в последнюю минуту он испугался последствий, её всемогущий папочка может упрямать и на каторгу, как вдруг дверь открылась и на пороге замер старик Остин.

–Как это понимать?– рявкнул хозяин дома.

–Норман просит моей руки,– скороговоркой ответила за друга Наяда.

–Что не делается – всё к лучшему,– пробурчал Сэндлер, не то, успокаивая тестя-патрона, не то себя.

–А, что, действительно: благодать,– оживился Филдинг,– Джозефа не обидит родная тётка, и Норману с малышом незачем будет покидать наш дом. Да и ты, наконец, выйдешь замуж.

И глава семьи поочерёдно обнял обоих. Дочь плакала от счастья.

Сэндлер смиренно думал: «Да, так будет лучше. Мы по-прежнему сможем приглашать супругов Боу на все праздники и торжества. Какая разница женат я или нет, ведь Оттавия тоже не свободна».

Отец приобнял любимицу, вывел её из комнаты.

Он рассказывал ей:

–Когда ты родилась, уже была очень красива, и я сказал, что такими совершенными бывают только феи, потому мы назвали тебя нимфой – Наяда.

–Папа, меня удручает тот факт, что все считают меня занудой.

–Будь веселее, научись шутить. И пусть твои шутки будут не колкой издёвкой, а подбадривающей поддержкой.

–Я попробую измениться...мне надоело быть одной, без подруг, все избегают меня.

—Но я заметил, как к тебе набивается в подружки Беула Спенсер. Она умная, опытная женщина, она многому научит тебя и даст совет.

Они поделились радостью с матерью.

С высокомерием и с непроницательным видом Джобет выслушала их, и заявила:

—Поздравляю, ты добилась своего.

—Ты знала, что Наяда любит Нормана?— удивился Остин.

Девушка присела в почтительном реверансе перед матерью и удалилась к себе.

—Создаётся впечатление, что Наяда причастна к гибели своей сестры,— жёстко намекнула Джобет.

—Вы клевете на собственную дочь!

—Почему Сэндлер и Наяда вернулись вместе? От обоих несло спиртным, будто они в нём искупались!

—Замолчите! Норман облил Наяду для согрева, а сам выпил, чтоб заглушить горе.

—Вы всему находите оправдания.

Судья, еле сдерживаясь от злобы, предупредил:

—Если Вы ещё раз скажите подобное — я ударю Вас!

Оттавия поправляла цветы на шляпках, когда в магазин вошёл Освальд Боу. Жена безмолвно вопрошающе воззрилась на него.

—Мой зять Теодор Торнтон внезапно скончался от резей в животе.

—Чем я могу помочь?

—Виндэлия сильно убивается, побудь с ней, пока я отлучусь по делам.

—Хорошо, я оставлю магазин на продавцов.

Когда Отта вошла в комнату для гостей, падчерица, что старше мачехи на десять лет, билась в истерике, катаясь по полу. Её дорогие платья нещадно мялись. Вокруг неё бегали служанки, кто с нюхательной солью, кто с водой. Оттавия растерялась.

—Виндэлия Торнтон, Вы же дворянка! Не подобает так переживать на глазах у всех!— грубо напомнил дочери правила приличия Боу.

Ответом ему были безудержные рыдания.

—А как чувствуют себя мальчики?— спросила Отта у мужа.

—С ними Артур и Эммит.

—Пожалуй, я тут ничем не смогу помочь, нужен доктор с успокоительными или снотворными.

—Миссис Дирк, идите за доктором! У меня куча дел, А Ваши бабьи слёзы меня отвлекают от важных мероприятий.

Драммонд прибыл быстро. Сухо поздоровался с Оттавией, которая брызгала в лицо великовозрастной падчерице водой. Затем врач приказал Виндэлии лечь на кровать и поставил ей укол. Оставил большой пузырьрёк со снотворным и дал рекомендации какими дозами употреблять микстуру.

Отта про себя хмыкнула: «Каким отстранённо-деловым сделал доктора один удар вазы».

За ужином собралась вся семья. Притихшие дети. С красными от слёз глазами Виндэлия.

Помолившись, Боу рыкнул:

—Всем есть!

Дети заскребли ножами по тарелкам.

Виндэлия лишь отпила сок из высокого стакана, и задумчиво поставила сосуд обратно на стол.

Отец упрекал её:

—Ты — разгильдяйка и транжира, хозяйство вела ужасно! Тратила, не считая. Ты оставила сыновей без гроша! К чему дом полный картин и статуй, если нет денег в наличии заплатить за аренду земли? Придётся продавать из твоего дома все безделушки, которые ты накупила без надобности.

—Делайте что хотите, папа,— слабым голосом отозвалась старшая дочь.

—Я не удивлюсь, если окажется, что дом заложен, а банковские счета заморожены. На чём строил семейный достаток твой муж?

—Играл на бирже, привозил бренди из Франции.

—Контрабандист! Весёленькие дела! А с виду и не скажешь, что этот толстый увалень был рискованым парнем. Ну вот, он при жизни не боялся оставить детей без отца, а ты по нему слёзы льёшь! А могли его и в тюрьму за махинации с законом упечь! Вот было бы позору!

—Теодор был добрым, спокойным человеком,— защищала память мужа Виндэлия.

—Не пойму, как за одиннадцать лет вы не надоели друг другу?— дивился глава семьи.

—Теодор часто был в плаваниях,— глаза женщины вновь наполнились слезами.

—А, так вы редко видели друг друга...он, то на бирже торговал, то в море пропадал...

—Да, очень редко виделись,— заревела дочь.

—Возьми себя в руки! Ты должна быть сильной ради сыновей!

Но она не слышала воззваний отца, её душевное состояние опять «расклеилось».

—Я провожу её наверх,— приподнялась Оттавия.

—Сиди. Эй, Сьюзан, отведите миссис Торнтон в гостевую комнату,— подозвал Боу служанку.

Он проводил глазами унылую фигуру старшей дочери, и принялся не торопясь, но напряжённо, пережёвывать пищу.

Когда подали чай, собирать тарелки со стола пришла Сьюзан.

—А с кем Виндэлия?— резко спросил Освальд, его рука с чашкой задрожала.

—Сэр, миссис Торнтон выгнала всех слуг и заперлась.

Боу вскочил, опрокинув стул, и побежал наверх к комнате Виндэлии. Одна любопытная служанка постарше прошмыгнула следом. Её крик заставил Оттавию помчаться туда же.

Она застала мужа стоящим на коленях у постели дочери, лицо он уткнул в одеяло и глухо стонал. Отта увидела, что

пузырёк со снотворным пуст. Виндэлия казалась спящей.

—Что Вы сидите!? Надо позвать доктора делать промывание,— советовала Малевольти, её голос дрожал от страха.

—Да, пусть бегут за врачом,— пробормотал Освальд.

—Врача! Врача!— выбежав, заполошенно закричала Отта.

Затем она вернулась в злополучную комнату.

—Мистер Боу, делайте же что-нибудь! Искусственное дыхание, массаж сердца!— закричала она на сквайра.

Оттавия подскочила к окну и распахнула створки. Подбежала к Виндэлии и затормошила ту за плечи, схватила за руку и вскрикнула, рука падчерицы была ледяной.

После двойных похорон Освальд Боу через два дня сказал детям за обедом:

—Четверо мальчиков-подростков в одном доме — это слишком шумная компания. Надо будет отправить вас в военное училище в Сэндхерст, у меня там двоюродный брат преподаёт.

—Но, папа, нам больше нравится коммерция!— возразил Артур.

—Я полагаю: ваша мачеха справится одна,— подобострастно произнёс глава семьи.

—Не отнимайте у меня детей,— взмолилась Оттавия, её ужасала мысль, что те, к кому она привязалась, и кто любит её, уедут, и она останется одна в чужом большом доме,— Да и мальчики будут скучать вдали от дома.

–Торнтоны, а вам хочется в армию?– поинтересовался Освальд у внуков, не обращая внимания на жену.

–Маршировать скучно,– поморщился красивый шатен Алан.

–Наставлять на безоружных негров винтовки – подло,– отозвался белёсый Тимоти.

–А я сказал: всех в армию!– вышел из себя Боу-старший.

Ночью мальчики Алан и Тим перешёптывались в кровати.

–Цирк-шапито разъезжает по всем странам. Мы увидим мир,– мечтал старший.

–Но возьмут ли нас?– сомневался белокурый брат.

–Разве мои учителя по фехтованию не хвалили меня за подвижность и гибкость? Буду гимнастом. Да и для тебя работа найдётся.

–Но кто рискнёт взять в цирк детей из дворянской семьи?

–В цирке артисты всегда используют псевдонимы. Нас никто не найдёт,– уверял младшего брата Алан.

–Мы скажем, что сироты, нам даже врать не придётся,– радостно согласился Тим.

–Лучше жить в цирке, чем маршировать на плацу.

–Лучше жить в цирке, чем есть хлеб деда, и быть ему обязанными. Сами заработаем, да, Алан?

–Да, Тимоти.

В кабинет Освальда утром вошла Отта.

—Алан и Тим...— глотая слёзы, еле выговорила она.

—Что? Заболели?— испуганно вскричал Боу.

—Убежали из дому...— закончила фразу жена.

—Ты их обижала? Может, била?!

—Нет, нет,— отрицая, рыдала Оттавия, ей было жаль этих осиротевших мальчиков,— Разве не Вы пугали их военным училищем?

—Заткнись, дрянь! Какой стыд! Что скажут люди? Я, пожалуй, сообщу всем, что отправил Торнтонов учиться.

В это время шло бракосочетание Нормана и Наяды. Гостей пригласили мало, торжества наметили очень скромные.

Шествуя к алтарю, Сэндлер думал: «Очень хорошо, что из-за траура Оттавия не присутствует на моей свадьбе. Если б я встретился с ней глазами, то не смог бы сказать Наяде слов верности, не смог бы сказать священнику, что беру в жёны по собственному желанию ту женщину, что стоит в белом платье. Как там сейчас Отта? Бедняжка, теперь у неё семь детей в доме... Пожалуй, ей придётся оставить торговлю и заняться воспитанием детей, она застрянет в доме Боу, и я не увижу её... Но, может, так будет лучше? Мне надо забыть её. Нет, не хочу и не могу! Она, как манящая, прекрасная фея тянет к себе своими колдовскими чарами».

Сестра Иллария, не рискнувшая открыть обезображенное лицо, пряталась за густой вуалью. Заметив, что брат обратил на неё внимание, кивнула ему.

Но после, будучи гостьей в доме Филдингов, она улучила момент и перехватила Нормана в коридоре.

Пользуясь тем, что вокруг никого нет, Иллария, положив ладонь на локоть брата, молвила:

—Я не вижу радости на твоём лице. Зачем ты цепляешься за этот дом? Или этот брак опять важен для успешного продвижения по службе?

—Всё хорошо, дорогая сестра.

—Но мне почему-то кажется, что этот брак не принесёт тебе счастья. Невеста красива и спесива, она не в состоянии любить кого-то, кроме себя.

Вечером, уединившись с новобрачной в спальне, Норман заметил на её лице смущение.

—Стесняешься?

—Да,— пролепетала та.

—Я отвернусь, а ты раздевайся и ложись,— пошёл навстречу её боязни Сэндл.

После раздевания Наяда зажмурилась и лежала в ожидании.

Супруг тоже скинул одежду, усмехнулся тому, что суженая даже не предприняла попытку подглядеть.

Он лениво залез под одеяло. Жена, как испуганный, лесной зверёныш зажалась и отодвинулась на край кровати. Но требовательные руки мужчины достали её, сняли ночную сорочку, ощупали.

После интима Нормана подмывало спросить: «В чём вы-

ражается твоя любовь, дорогуша, если ты даже прикоснуться ко мне боишься?»

Утром Сэндлер проснулся, а жены в постели уже не было. Встал, помылся, оделся, спустился в столовую к завтраку.

Тёща с кислой миной едва кивнула.

Тесть радостно улыбался, подмигивая.

Наяда отчего-то была недовольна, мужа будто и не видела. «Ого, да она – стерва», – изумился Норман.

Новоиспечённая миссис Сэндлер скомкала салфетку для чаепития, что лежала перед ней, швырнула этот кусок ткани в лицо служанки, отчитывая неряху:

–Грязно, как в доме у рабочих с окраин!

Служанка жалко съёжилась.

–Дорогая, зачем кричать? Если прислуга не справляется, может, нанять ещё несколько рабочих рук?– сделал замечание Норман.

–Обычно, если прислуга никудышная, и не справляется с обычным объёмом работы из-за своей лени – таких работников увольняют!– не успокаивалась Наяда.

Служанка заплакала.

–Госпожа, я исправлюсь,– умоляла девушка сквозь слёзы.

–Ступай в кухню с моих глаз!– опять кричала миссис Сэндлер, и сама встала из-за стола, и ушла вслед за убежавшей молодой.

–Переволновалась вчера девочка,– выгораживал дочь отец.

—У меня тоже пропал аппетит,— сообщила Джобет и тоже ушла.

«Неужели Наяда добивалась меня только из-за раненого самолюбия?»— задумался Сэндлер, анализируя поведение жены.

Ночью, после очередного интима, он высказал ей:

—У меня каждый раз, когда я ложусь с тобой в постель, ощущение, будто я ласкаю тебя там, на берегу реки: ты такая холодная, отчуждённая, что мои ласки никак не доходят до твоей души.

—Аристократка не должна уподобляться шлюхе с её животной ненасытностью.

—Да, в благовоспитанном обществе принято иметь вместо жены лягушку. Я пойду в свою спальню, а то от тебя веет морозом. Заходи ко мне, когда надумаешь обнять меня, но, уверен, что это событие, если произойдёт, то лет через десять.

Наяда не удерживала его.

В кабинет Освальда вошли его сыновья и Оттавия.

Артур заявил:

—Мы тоже убежим из дома, если Вы, папа, будите настаивать на нашей отправке в Сэндхерст.

—Бунт! Это ты виновата, Малевольти, что мои дети стали своевольны! Они берут пример с тебя!

—Они требуют благ для себя, разве плохо бороться за свои

привилегии? Они вправе сами решать свою судьбу,— вскинулась Отта.

—Ладно, оставайтесь возле юбки,— недовольно пробубнил Боу-старший,— Как бы после не пожалели. Карьера военного — самая престижная в нашем королевстве.

—Я не думаю, что мы пожалеем о том, что в нас никто не будет стрелять,— отпарировал старший сын.

«А Артур не промах, башковитый»,— отметил глава семьи.

Когда мальчики подошли к двери, отец окликнул их вновь:

—Стойте. Торнтонь не говорили вам куда собирались?

—Нет, папа,— уверенно, в голос отрицали дети.

—Тогда искать их бесполезно. Они могли наняться юнгами на любой корабль в порту и уплыть хоть в Африку, хоть в Америку,— заключил Боу.

Прошло три месяца. Начало зимы выдалось ветреным, промозглым. В один из таких непогожих дней в галантерейный магазин госпожи Малевольти вошёл барон Сэндлер в тёплом рангоуте и в величественном цилиндре. Чтобы скрыть свою взволнованность он улыбнулся. Оттавия смутилась. Почему-то её язык отнялся предлагать товар. У неё возникло двоякое, противоречивое чувство. С одной стороны её душа отозвалась болью воспоминаний, когда этот адвокат бестактно требовал от неё откровений об интимах с Боу;

с другой стороны его восхищённый взгляд в тот день льстил её самолюбию.

Норман принялся разглядывать прилавки с товаром: перчатки, гребешки, нитки, ленты. Здесь же продавались дуэльные шпаги и игральные карты.

Ещё два посетителя магазина рассматривал предлагаемые изделия в дальнем углу комнаты. Они приглушённо обсуждали недавнюю англо-ирландскую унию, по которой авторитарный парламент Ирландии ликвидировался. В защиту английского правительства вступался второй оппонент в разговоре, заявляя, что нескольким представителям ирландской знати отвели места в парламенте Великобритании.

Наконец адвокат нарушил молчание:

—Миссис Малевольти, мы, покупатели, смиренно стоим и ждём, когда Вы нас осчастливите своим вниманием.

—Что угодно Вашей Милости?

—Давайте померим перчатки.

—Какого цвета желаете?— галантно поинтересовалась Оттавия.

—Белого, конечно.

—Покажите свою руку, я определю размер.

Ладонь Нормана дрожала.

—Вот, Ваша Милость, лучшие образцы.

Сэндлер с трудом натянул самое узкое кожаное изделие на правую руку. Затем он сделал несколько безуспешных попыток снять прилипшую к коже рук вещь.

—Помогите же мне. Видите: мне не удобно снимать перчатку левой рукой.

Нежные, мягкие пальчики Отты коснулись запястья мужчины. Это прикосновение внезапно взволновало обоих, окатило волной трепета.

Девушка сделала неуверенную попытку стянуть перчатку, отшатнулась, залилась краской и залепетала:

—Ах, я извиняюсь, Ваша Милость, но в моих руках мало силы, я принесла Вам неудобства, предложив вещь не по размеру.

—Я вижу, что являюсь для Вас не желанным посетителем, а малоприятным визитёром,— вспыхнул Сэндлер, раздосадованный тем, что Оттавия так быстро отпрянула от него.

От её прикосновений всё его тело, будто щекотала некая приятная энергия. Хотелось подскочить к этой трусихе и опять схватить её руку.

—Я...я позову сына. Он поможет Вам, мистер Сэндлер.

И Норман не успел оставить её возгласом:

—Мы справимся сами, зачем тревожить ребёнка?

—Артур! Сынок!— звала Отта.

Из её уст этот зов звучал смехотворно. Сын, которому одиннадцать лет, тогда как его «маме» шестнадцать!

Появился темноволосый, симпатичный мальчик. Он нёс в руках дымящуюся от пара тарелку.

—Мама, я уже погрел тебе рагу,— хвастал Артур.

—Нет, малыш, унеси блюдо, ещё не обед. Надо помочь кли-

енту снять перчатку.

Сэндлер заглянул в тарелку, что проплыла мимо него.

Он тут же поделился своим мнением:

—У вашего повара удивительная способность к кулинарии. Не понятно из этого месива, где морковь, а где мясо. Это истинное призвание так уродовать продукты. Я уверен: маньяки получают из тех, кого плохо кормили, потому они и стремятся кого-нибудь растерзать.

—Я ещё не до конца растерзала Вас, мистер Сэндлер,— набралась смелости и дала отпор Оттавия.

Барон расхохотался.

—Ваш магазин, без сомненья, в этом сезоне занял почётное последнее место в номинации: «самый невежливый продавец».

—А если дать Вам волю глумиться над людьми, занятыми работой, так Вы доведёте до паники население всей страны.

—Паника быстро проходит, тогда как изжога от острого разговора с Вами может долго мучить, напоминая о себе.

Покупатель в дальнем углу с интересом слушал перебранку.

—Магазин закрывается на обед,— напомнил расписание Артур, что вновь появился перед Сэндлером.

—Порядок придумали скучные люди,— отпарировал Норман,— Давайте проводим джентльмена, что ничего не покупает, снимем, наконец, эту злополучную перчатку, и я в знак благодарности куплю у вас не одну пару перчаток, а кучу

нужных, дорогих вещей. И в залог примирения я согласен выпить с вами, молодые люди, чашечку, другую, чаю.

—Вы ошибаетесь, Ваша милость, кафе находится в другом квартале,— напомнил мальчик назойливому посетителю.

—У меня ощущение, будто я попал во враждебный стан беспощадного противника. Никакого снисхождения к врагу, ни доли милосердия, а я считал Вас, Оттавия, добрейшим человеком. Как я ошибался!— кривлялся барон.

—Хорошо, Ваша слезливая речь возымела действие,— улыбнулась Отта, — Вы допускаетесь до нашего чаепития. Это дело, Вы, как всегда, выиграли, мистер Сэндлер.

Артур пошёл закрывать дверь, выпуская посетителя из дальнего угла.

—Давайте перейдём на «ты». Просто: Норман. Мы ведь друзья.

—Друзья?— удивлённо переспросила итальянка.

—Ну-у...мой тесть дальний родственник Вашего мужа.

—Вы сказали: «Вашего».

—Ах, эта любезность, видать, уже въелась в кровь.

Барон сам довольно быстро освободился от перчатки.

—Проходите, господин барон,— важно пригласил гостя Артур.

Норману сейчас требовалось всё мужество, чтобы не выдать своих пылких чувств к Оттавии. Он вырос в лицемерной среде аристократов, и не должен теряться от взгляда прекрасных глаз. Но когда он сел напротив Отты за маленький

столик в подсобке, ему показалось, что с неба посыпались цветы.

Сэндлер блаженно улыбался и пил чай.

Оттавия чувствовала себя неловко, но всё же сделала несколько глотков горячего настоя.

—Мама, а как же рагу?— недовольно спросил пасынок.

—Я не голодна, сынок.

«Увести бы Оттавию в Америку, украсть и увести... Но нет, моя карьера, Джозеф, имение в горах...»— гнал мысли о побеге барон.

Оттавия проявляла интерес к этому красивому, образованному человеку, который по непонятным причинам искал её дружбы.

После чаепития Норман купил пару безделиц, поцеловал руку хозяйке и откланялся.

На следующий день чета Сэндлер была на приёме у Драммондов.

Норман нечаянно услышал разговор сестры тестя Тины Бонэм с другой дамой.

Родственница обращала внимание подруги на поведение общей знакомой:

—Эта вертихвостка вдова Вирджиниуса Беула опять с бокалом вина не отходит от хозяина дома. Была бы Августа поумней и побойчей, сама бы увлекла мужа разговорами.

—Ходят слухи, что Бернхард Драммонд уморил её мужа

передозировкой лекарств, и теперь хаживает к свояченице без опаски.

Хозяйка приёма пела под аккомпанемент Билинды какую-то жалостливую шотландскую балладу.

Сэндлер перехватил взгляд Беулы и Бернхарда.

Наклонился к уху жены и шёпотом спросил:

—Мне кажется, или это на самом деле? Что Спенсер посматривает на Берни, как на дорогую собственность?

Наяда после своей свадьбы сблизилась с Беулой, и была посвящена в её тайну.

Потому потешила слух мужа:

—Да, они любовники.

—Значит, сплетники не лгут. Забавно.

—Но ведь и ты женился на сестре жены.

—Вот именно: женился, а не завёл грязные шашни. Берни Драммонд — жёсткий прагматик, как это Беула могла влюбиться в такого чванливого ублюдка?

—В погоне за вниманием мужчин леди, наверное, закрывают глаза на мелкие недостатки.

—А, может, женщинам интереснее расшевелить бесчувственного субъекта? Бегают же некоторые за монахами...

—Зато мужчины предпочитают легкодоступных шлюшек.

Затем дома Норман заикнулся о наболевшем:

—Надо пригласить на очередной бал к нам чету Боу. Бедняжка Оттавия заперта в доме с выводком мужа и своими близнецами.

–Насколько я знаю: она не выходит из своих магазинов, даже заменяет заболевших продавцов.

–Боу нигде не бывают, а красота должна светить, ею должны восхищаться. Красота должна вдохновлять поэтов, музыкантов, скульпторов и художников.

–Нет, надо пресечь на корню наглую попытку внедриться в круг нашего общества женщине из низов сословия.

–Но Оттавия вышла замуж за дворянина, а значит, стала частью Высшего Света.

–Скажи мне, Норман, ты тоже боготворишь эту выскочку-итальянку?

–А кто ещё о ней говорит?

–Бернхард отзывается о ней, как о святой. Все, кто видел её, уверяют, будто это ангел сошёл с неба и сияет неземной, возвышенной красотой. Но ты не ответил на мой вопрос. Ты присоединяешься к общему мнению?

–Да по сравнению с Оттавией все остальные дамы нашего города – накрашенные пугала!

–Никаких балов на ближайшее время у нас не предвидится. Ты же знаешь: после нашей свадьбы здоровье матери неожиданно пошатнулось.

Клан Драммондов провожал на пристани главу семейства, старик снова собрался в плавание.

Беула Спенсер причитала:

–В Вашем преклонном возрасте разве можно так подвер-

гать жизнь опасности и лишениям в длительном путешествии?

—Дорогая родственница, истинным англичанам никогда не сидится дома: кровь викингов зовёт завоёвывать новые земли,— шутил Айвор.

Августа по-дружески обняла сестру. Беула поёжилась от её прикосновений: совесть больно уколола сердце.

Внуки Драммонда-старшего бегали по борту корабля и весело смеялись.

—Билинда! Залман! Мы едим домой, идите сюда!— окликнула их мать.

—Мы поедem с дедушкой! Мы тоже хотим в дальние страны!— запротестовал Залман.

—Пусть дедуля нас хотя бы покатает,— поддержала сестра брата.

—Вот вернусь из плавания, и займусь вами,— обещал Айвор внукам,— Выращу себе замену. А сейчас: марш на берег! Мне нужна дисциплинированная команда, а не нытики на корабле!

Дети с неохотой покинули барк, поцеловали деда, и стали вместе с роднёй махать ему вслед.

Джобет таяла на глазах, она отказывалась от пищи, пребывала в плохом расположении духа. Последнее время женщина уже не вставала.

Дочь часто приходила к ней, уговаривала что-либо съесть,

но мать гнала её.

Остин навещал супругу очень редко, его раздражал вид больных людей, тем более он считал, что Джобет сама усугубляет недомогание своей отрешённостью.

У постели больной неизменно дежурила её любимая служанка Джоанна, молчаливая и скромная, преданная и отзывчивая.

Даже Джозеф не радовал Джобет, она просила унести шумного ребёнка.

Как-то Джоанна отпросилась на пару дней. Её сменила дочь больной.

Мать молчаливо лежала, отвернувшись.

Неделю назад Руперта Буркса послали за Орином по просьбе Джобет.

—Ты...и Граветин...— вдруг глухо заговорила больная,— Вас было двое там, у реки. Что же произошло на самом деле? Женщина повернула своё потемневшее лицо к дочери.

—Мама...мама...— залепетала Няяда, заливаясь слезами,— Ты мне не веришь? Да, я любила Нормана, но Граветин была мне сестрой...

—Ты презирала бедняжку за её неказистость, а после ненавидела за то, что та опередила тебя, признанную красавицу, в браке. С крошкой Джозефом ты никогда не играешь! Что, слишком похож на мать?

—И из-за этих низменных мыслей Вы вгоняете себя в гроб?— слёзы девушки высохли, она зло смотрела на Джобет.

—Все вы, красавцы, хотите для себя лучшей доли. Что Остин, что ты...— осуждала больная своих близких, затем более спокойно наставляла дочь, её голос с каждым словом слабел всё больше,— Ты не любишь Нормана. Ты просто хотела заполучить того, кто не обратил на тебя должного внимания... подумай, как будет болеть твоё сердце и рваться вслед тому, кого ты действительно по-настоящему полюбишь...

—Я люблю Нормана,— упрямо заявила дочь.

—Подъехала карета... Глянь, это, наверное, Орин...

Наяда подбежала к окну.

Мрачный брат выходил из кареты.

—Орин!— воскликнула сестра и вернулась к матери.

Джобет невидящими глазами смотрела в потолок.

—О, мама! Ты не дождалась своего сына!

И Наяда разрыдалась.

Следующий год прошёл у Филдингов в трауре.

Оттавия Малевольти почти безвылазно просидела дома три года, воспитывая подрастающих дочек. Никакие няни не справлялись со своевольной Джессикой. Чем быстрее девочка росла, тем шаловливей становилась. И, скрипя сердцем, Оттавии пришлось нанять нескольких управляющих в магазины. Теперь ей приходилось следить за бизнесом только по бумажным отчётам.

Филдинги ещё несколько лет не устраивали праздников и не принимали у себя большое количество гостей из-за бо-

лезни младшего Сэндлера, у мальчика то начиналось кровотечение из носа, то рвота, то сильнейшая простуда. С ребёнком сидела то Джоанна, то Руперт.

17 апреля 1.807 года.

После очередного заседания суда, Остин Филдинг пребывал в угрюмом настроении за ужином дома.

Зять за столом обсуждал выгодное для Англии первенство на море:

—После Трафальгарской битвы в 1.805 году Атлантический океан можно переименовывать в Английский.

—Горацио Нельсон был самым выдающимся вице-адмиралом,— вздохнула Наяда.

—Да, как мы тогда разгромили франко-испанский флот!

Заявление Филдинга прозвучало, как приговор самому себе:

—Я ухожу с поста судьи.

—Но, папа, Вы только и жили делами горожан,— ахнула дочь, держась за свой округлившийся живот.

—Сегодня я узнал, что обвинил мистера Чосера ложно.

—Виновато не правосудие, а следователи, они не дознались истины!— выгораживала работу отца дочь.

—Вы такой деятельный человек, дорогой тесть, что не сможете просто так бездельничать дома,— отмахнулся Норман от старика.

—Чосер погиб в изгнании, он страдал и болел, хотя в жизни

ничего предосудительного не совершил! Его спутали с другим джентльменом!— не унимался Остин.

—Значит такая у него на роду судьба,— уверяла Наяда.

—Глупости! Это и моя вина! Ведь было очевидно, что Чо-сер не виноват! У него были глаза честного человека!— кричал Филдинг-старший.

У Джозефа пошла кровь из носа, заливая красной краской опустевшую белую тарелку перед ним. Руперт, что сегодня прислуживал за столом, подхватил мальчика на руки и вынес из столовой. Вся семья в ступоре воззрилась на пятна крови, предчувствуя плохое предзнаменование. Норман распорядился послать за доктором.

Служанка убрала окровавленную посуду.

Разговор за столом продолжался.

—Я не буду надоедать вам, молодым, своим присутствием, я решил пойти в миссионеры,— обнародовал своё решение бывший судья.

—Папа, это неслыханно! В твои годы разве можно пускаться в сомнительные авантюры?

—Начну жизнь заново и точка!— настаивал отец,— Уеду в самые забытые Богом края, на Андаманские острова.

—Но, папа, ни одна миссионерская экспедиция не смогла прожить там и пару лет! Все умирали от лихорадки!— со слезами вскричала Наяда.

—Я — крепкий старикашка,— успокаивал дочь Остин, уверяя и себя, просил,— Берегите Джозефа.

—Джозефа надо тоже отдать в военный колледж, как и Орина,— вытирая слёзы, рассуждала миссис Сэндлер.

—Ты в своём уме?!— вскричал Норман,— Да он дома-то болеет, а что будет с ним без надлежащего присмотра?

—Слишком много бегаєте с ним!— возражала жена,— Изнежили его с дедом. Словно он барышня какая! В колледже будет режим дня и тренировки. Это сделает его здоровым.

—Интересно, что скажет доктор,— с тяжёлым вздохом, вставая, сказал Филдинг.

Через четверть часа дед и отец Джозефа стояли у кровати мальчика. Бернхард Драммонд осматривал больного.

Затем взрослые вышли в коридор. Сэндлер предложил врачу чашку чаю в своём кабинете. Тот согласно кивнул.

Драммонд удобно расположился в кресле и потягивал бодрящую жидкость.

—Берни, уже изобретено столько лекарств, неужели нельзя найти нужную комбинацию фармацевтических средств, чтобы сразу поставить на ноги недужного?— недоумевал Норман.

—Ваш ребёнок просто более чем другие дети, восприимчив к еде. Надо укрепить его желудок, и всего лишь. Ни в коем случае не голодать, есть только свежие продукты, даже вчерашний хлеб может вызвать у него приступ тошноты. С годами эти недоразумения с желудком пройдут, он ведь мужчина,— объяснял доктор, затем, подумав минуту, развил тему лекарств,— А на счёт фармацевтики... Да, с каждым годом в

услужении у врачей становится всё больше лекарств, наука всё глубже познаёт человеческий организм...и чем больше мы познаём внутреннее строение человека, тем загадочней и непостижимей нам представляется душа индивидуума.

—Это Вы к тому, что приступы Зэфа могли возникнуть на нервной почве?— переспросил Филдинг.

—Запросто. Мальчик хочет обратить на себя внимание, он переживает, как следствие — повышается давление, тонкие стенки сосудов носа лопаются, вот вам и пожалуйста: непроизвольный выплеск крови.

—Тогда действительно лучше его отправить в какое-нибудь военное заведение, там ему не надо будет заострять внимание на своей персоне,— принял решение бывший судья.

—Но я хочу видеть, как растёт мой сын,— возражал Норман,— Я спрошу у мальчика, хочет ли он жить в казарме.

—Ты балуешь его!— одёрнул зятя Остин,— Дети должны слушать приказания родителей и беспрекословно исполнять!

—А Вас ни в коей мере не должны касаться наши дела: Вы собираетесь сменить дом на хижину аборигена!

—Чего ты боишься, Сэндлер? Можно отправить Джозефа в Итон, там за ним присмотрит Орин.

—Я боюсь потерять его.

—Ты и дома-то его не часто видишь. И потом: дети когда-нибудь вырастают и покидают родителей.

—У Филдингов, я смотрю, всё наоборот: старики покида-

ют дом в поисках новых перспектив,— огрызнулся адвокат,— И мне кажется ненормальным тот факт, что дети должны идти на поводу у причуд взрослых и покидать дом в столь юном возрасте.

—Если Джозефу станет хуже, можно отправить его в поместье в Кембрийские горы, к Вашей сестре, Норман,— пожал плечами Филдинг.

Доктор, забыв об остывающем взваре, с интересом слушал перебранку. Затем, как знаток, попытался отговорить Остина от поездки в пагубные земли Андаманских островов, но старик твердолобо стоял на своём. Не помогло и напоминание о том, что некогда судья сам был не сторонник паломничества.

Филдинг-старший не покинул дом, пока не оформил Джозефа в Итон.

Трясаясь вместе с Сэндлером-младшим в карете, Руперт спросил у мальчика:

—Жаль уезжать?

—Раз я никому не нужен — не жаль,— обиженно процедил Зэф.

—Отец очень тебя любит. Он не хотел тебя отпускать.

—Знаю. Это всё дед и мачеха. Няяда ждёт своего ребёнка, и я для неё, как неприятная мозоль. А дед всегда скакал вокруг своей любимой дочери, ублажая и потакая всем её капризам. Я похож на мать, а они, видно, за что-то на неё взъелись.

—Ваша мама, сэр, в свою очередь была похожа на миссис Джобет.

—А, так это бабуля их чем-то допекла?— затаил зло ребёнок на деда и Наяду.

По истечению путешествия, через несколько дней, они прибыли к месту назначения.

Орин вышел их встречать. Пятнадцатилетний парень похлопал слугу, потрепал вихры Джозефа. Отвёл приезжих в отведённую для них комнату для разговоров.

Руперт рассказал Орину о том, что его отец уплыл миссионером к берегам Индокитая в Бенгальский залив то ли на Андаманские острова, то ли на Никобарские. Юноша повесил голову. Отец был суровым, но в то же время очень дорогим человеком.

—Я читал переводы французского аббата Ренодо, где говорится, как двое арабских путешественников побывали на тех островах. Они описывали жителей: чёрный цвет кожи, кучерявые волосы. Ели дикари сырое человеческое мясо,— вспоминал с тревогой упоминая о тех местах Орин.

—Белые люди хорошо вооружены, их не так просто съесть,— успокаивал молодого хозяина слуга,— Мистер Остин Филдинг разделил состояние между Вами и Наядой. Львиная доля состояния, конечно, оставлена Вам. И дом в Милфорд-Хейвене числится за Вашей Милостью.

—Я напишу сестре, чтоб не тратилась на покупку собственного дома, я ведь большей частью буду в плаваниях. А она так

любит наш город... Ей будет скучно сидеть в горах и смотреть на стада овец.

—Как бы Вам позже не пожалеть об этом решении...

—Брось, Руперт. Вместе веселее.

—Осмелюсь сказать: у Вашей сестры сильно испортился характер.

—Ерунда. Я повторяю: моряки на суше бывают редко.

Орину Филдингу пришлось ни раз краснеть за племянника, который хоть и был смышленный не по годам, но мог дерзить офицеру или отказаться от выполнения приказа, что у военных приравнивалось к преступлению. Вместо опёки Джозеф Сэндлер частенько получал родственный подзатыльник от дяди, которого оскорбляла такая манера поведения малявки.

Зато солдатская муштра подействовала благоприятно для здоровья. Бег и тренировки закаляли юное тело. Новый друг Эфа, такой же курсант, заваривал ему траву, привезённую его отцом из далёких колоний в Индии, эти отвары быстро вылечили и укрепили желудок.

Беула прохаживалась по комнатушке садовника, посасывая длинный мундштук. Табачный дым мелкими клубами струился из сигареты.

Спенсер обвиняла Бернхарда:

—Ты приходишь ко мне, как к жене, из чувства долга.

—Да, я привык к тебе,— не отпирался Берни, развалившись

на диване,— Да, наши встречи стали тусклы.

Женщина продолжала тираду:

—Я не могу так больше. Это мелко и паршиво встречаться вот так наспех, за спиной у твоей жены и моей сестры, прятаясь от всех людей.

—Что плохого в том, что у нас есть тайна?

—Я не буду больше ждать тебя.

—Скажи проще: я тебя разлюбила.

—Да, Бернхард, я тебя уже не люблю. Нельзя любить призрака.

—Можно. Супружеская любовь остывает ещё быстрее.

—Ты, как всегда, прав.

—Может, повременим со встречами месяца три-четыре?

—Нет, Бернхард, ты больше не войдёшь в мой дом. У меня появилось отвращение к тебе.

—Как скажешь, я тоже устал от тебя. Странно, однако, тебя жалит совесть, выгораживая себя, сосредотачиваясь на моём образе. Но что мы будем делать с Фрэдди?

—Ты беспокоишься о нём, зная, что у меня денег гораздо больше?

—Дело не в деньгах. Ребёнку нужно общение с близкими.

—Но разве я запрещаю тебе видаться с сыном?

—Значит, Фредерик так и будет жить в приюте?

—Не смейся меня, Берни, ты хочешь забрать мальчика в свой дом?

—Ни в коем случае. Он видел меня ни раз, и всё выложит

Августе. Я думал, ты усыновишь его.

—Я подумаю, как сделать это без пересудов.

Совместная жизнь Наяды и Нормана не приносила обоим счастья.

Не могли они преодолеть скованности и в постели. Иногда руки Нормана тянулись к интимным местам жены, но на пол пути останавливались: почему он первый должен дарить ласку? Его жена никогда не хочет прижаться к нему... Они не любят друг друга... Их связывает лишь редкий секс, как нудная обязанность.

Всё же ноги в очередной раз сами вели его в спальню Наяды.

Заслышав его шаги, женщина нырнула под одеяло.

Разглядывая бугорок из одеял, мужчина надсмехался:

—Наяда, почему тебе не хочется глянуть: правильную ли позу я принял? Не противоречит ли эта поза благопристойности? Не навредит ли твоему честолюбию?

—Сволочь!— ругнулась жена, как кухарка, резво отбросила одеяла и запустила в Нормана подушкой.

—О, ты, как всегда, наглухо забинтована сорочками и шалью, словно египетская мумия... Впечатляет...

—Пижон! Зачем ты вообще пришёл в мою спальню?

—Действительно, что могло понадобиться мужу ночью в спальне жены? Может, он искал ласку?

—Ты — извращенец! Как можно требовать ласки от женщи-

ны, которая ждёт ребёнка?

—Хорошо, я — извращенец, а ты — недочеловек. И имя у тебя даже нечеловеческое: Наяда. Вот ты и холодна, как все рыбы-русалки.

Оттавия постучала в комнату Артура.

—Кто?— раздалось из-за дверей.

—Это я, сынок.

Дверь распахнулась.

—Ты пришёл поздно, я беспокоилась. Много возни с бухгалтерией?

—Нет, мама. Я прошёлся по вечернему городу.

—О, это опасно. В поздние часы по улицам шляется пьяная матросня.

До носа Отты донёсся винный перегар.

—Артур, ты стал захаживать в пабы?— изумилась она.

—Нет, мама, я с продавцами немного расслабился, крупные продажи, день рождения у сотрудника...

—Смотри, не попадайся на глаза отцу, тот может и побить тебя.

—Я осторожен. Помню, как недавно он оттащил за волосы Джессику за то, что та изрезала шторы для платьев своим куклам.

—Да, если б я не вырвала Джесс у него из рук, кто знает, как далеко Освальд зашёл бы в своей злобе.

—Мама, тебе всего 22 года, а ты заперла себя. Пора вновь

выходить в Свет.

—Мне 22 года, а сыну 17 лет,— улыбнулась Оттавия.

—Мать та, кто воспитал, вкладывая в ребёнка свою душу и ум. Та, кто любила и страдала, переживала в дни его болезней и невзгод, та, кто всегда следовала за ним сердцем, пытаюсь укрыть от бед и напастей.

Слёзы выступили на глазах Отты.

—Спасибо вам с Эммитом, не будь вас в этом доме, моя жизнь стала бы похожа на ссылку в Австралию.

—Джессика вела себя сегодня подобающе молодой леди? Тихо и неприметно?

—Разве этот ребёнок бывает спокойным? Услышала, что на камнях угля бывают отпечатки древних растений, так пробралась на кухню, когда там никого не было, и разбросала все угольки, скидав их на пол. Перемазалась, конечно, но нашла отпечаток какой-то диковинной рыбки!

—Кто ищет, тот найдёт,— хохоча, изрёк молодой человек,— Всё же не пойму, как две близняшки могут так разительно отличаться друг от друга в поведении?

—У них одно лицо, но обрати внимание, какие плутовские глаза у Джесс.

—А Умбриэль всё играет и играет целыми днями в свои куклы, никому не доставляя хлопот.

—Но Умбри ленива, знания для неё не играют роли в жизни. Тогда как Джессика хватается всё новое на лету.

Беула засиделась в гостях у Наяды. Они пили чай с молоком, болтали о том, о сём.

—Искусство, бесспорно, пошло от женщин. Кто первым придумал красить лицо?— заявила Наяда.

—Недоказуемо. Мужчины-фараоны тоже оттеняли глаза. И к тому же ещё древние охотники изображали сцены охоты на стенах пещер.

—Но среди охотников могли быть и женщины...

—Мой покойный муж Вирджиниус ругался, если я даже слегка подкрашивала глаза, а у самого были шлюхи самого низкого пошиба, намалёванные и выкрашенные рыжей хной. Мужчины — непонятные существа, им нравятся раскованные, ярко накрашенные особы, а дома им подавай скованную, стеснительную, бледную особу,— удивлялась неподдающемуся логическому объяснению поведение мужчин Беула.

—Двуличные сволочи,— мрачно поддакнула подруга.

—Ты от меня что-то скрываешь. Раскрой душу — станет легче. Я же тебе рассказала о своём разрыве с Берни.

—Как только папа покинул дом, Норман словно сбесился. Приходит с работы иной раз за полночь...но разве конторы работают до темна?

—Это можно узнать. Дать сторожу презент, тот всё и выложит. Или найми частного сыщика.

—Я боюсь узнать правду...И его опять нет...Что мне делать? Как жить рядом с лжецом, видеть его лицо каждый день...Бессовестные, ничего не выражающие глаза...Я не

могу так больше. Развод никто не даст... Что предпринять? И это я гонялась за этим человеком и мечтала заполучить его любой ценой!

—Найди себе любовника.

—Что ты! Мои устои и принципы не позволят мне даже взглянуть на другого мужчину.

—Так в тебе ещё нет огня плотской любви?

—А как скоро он должен был появиться?— покраснев, переспросила Наяда.

—Некоторым это так и не удаётся познать... Успокойся, дорогая, все мужья изменяют своим благоверным. Надо смириться.

Миссис Сэндлер заплакала, уткнувшись в льняную салфетку.

—Глупая, уйми дрожь, уйми неистовое биение сердца, потуши тревогу в глазах: ни один мужчина на Земле не стоит слёз. И уж тем более не стоит реветь из-за Нормана: он ничего не делает, чтобы окружить тебя вниманием, коего ты достойна, он ничего не делает, чтобы исправить свои пороки. Поговори с ним. Пусть прекратит врать и притворяться. Ну, Наяда, ну перестань транжирить нервы, ты к тому же в положении...

Немного успокоившись, миссис Сэндлер, заикаясь, с чувством говорила подруге:

—Любовь коварна. Она манит сказочным блеском, кружит в вихре разноцветных надежд, притягивает красотой... и по-

сле ты в тисках, в стальном кольце объятий, вырваться из которых не хочешь, ведь тогда растают миражи мечты. Любовь сама внезапно покинет тебя, и спадёт пелена, а сердце опустеет, и низость, подлость окружающих тебя людей станет заметней, людей, которые потому ещё и существуют, что когда-то придумали себе идеалы честности и подражания героям... живую, потому что единицы «отщепенцев» следуют велениям совести и порядочности.

После ухода Беулы Наяда дождалась в холле прихода мужа. На часах был час ночи. Сэндлер вошёл покачиваясь.

— Жулики умеют втереться в доверие, — зло, сквозь зубы, процедила жена.

— Да, мы это умеем, высокомерная миссис Фригидность, — уязвил Наяду Норман.

— Все законы приличия писались не для тебя.

— Я не смею отрицать этот факт, — с апломбом, наигранно опустил голову адвокат, — Но моё поведение закономерно: мужчин среднего возраста не удержать дома одним только благонравием, благочестием и посулом секса, запланированного на будущий год.

— Может, мне ещё и посочувствовать тебе?

— Не помешало бы, — нагло кивнул муж и зашагал к лестнице.

— Ах, какая тяжёлая жизнь у мистера Сэндлера: жена-стерва его совсем не любит, — кривлялась Наяда, платя мужу той

же монетой.

Мужчина остановился на ступеньке.

Развернулся, и скорее с удивлением, чем с сожалением, переспросил:

—Ты меня уже не любишь?

В ответ горестное молчание.

Норман кивнул своим мыслям и добавил к сказанному:

—Правильнее было бы сказать: никогда не любила. Желала, как охотник добычу. Меня любила только бедняжка Граветин. Вот ей я не изменял.

Ваза чуть-чуть не долетела до его головы, разбившись о стену.

—Самовлюблённый кретин!

—Вандалка. А я и не подозревал, как негативно ты относишься к предметам искусства. С чего ты сорвалась? Я был на банкете по поводу удачно выигранного дела,— обратился к брань в розыгрыш Норман.

Наяда схватилась за живот.

На звук разбитой вазы сбежалось несколько слуг.

—Руперт, бегите за доктором, у миссис Сэндлер начались преждевременные схватки,— распорядился барон.

К Драммондам зашёл на ленч Персиваль Росс, прибыла с визитом и Беула.

Отдав должное ароматному напитку и булочкам, августа увлекла сестру в дальний угол комнаты к окну рассмотреть

новые тропические цветы в горшках.

Доктор жаловался приятелю на жену:

— Не успеет утром встать — вцепляется в бедолагу-болонку. Она повсюду носится со своей собачкой, уделяя этой псине практически всё время. Как можно ставить животное вровень с людьми? Собаку Августа гладит в день по пятьсот раз, тогда как на меня лишь искоса бросает взгляд.

— Мой друг, Вы ревнуете жену к собаке?

— Вовсе нет. Я лишь показываю вам, молодым, во что превращается быт после свадьбы. Лучше бы Августа посвящала дни Билинде. Бедная девочка скучает. Ей 15 лет, в этом возрасте Беулу уже выдали замуж. Целыми днями дочь вышивает на пяльцах, и ждёт, что хоть кто-нибудь клюнет на её солидное приданое. Кстати, Перси, а Вам нравится Билинда?

— Уважаемый доктор, мне ещё рано думать о женитьбе, я погряз в рутинной работе, накапливаю состояние.

— А, испугались. Ну не такая уж Билинда и страшилка. Ещё формируется... Женился же я на Августе, право, лучше б подождал ещё лет десять, да сосватал её младшую сестру... но, что сделано — то сделано. А Ваше состояние, говорят, действительно стремительно растёт. Свет обсуждает Ваши удачные экспедиции, после которых Вы стали владельцем крупной судоходной компании.

— Когда вернётся из плавания Ваш батюшка?

— Он никогда не говорит заранее на сколько уходит в плавание. Я тоже любил путешествовать, но вот зачем-то же-

нился, и теперь некогда...

—Я слышал, что после приключений в дальних краях Вы поступили на врачебную практику к самому королю. Почему Вы оставили Виндзорский дворец? Служить при дворе так перспективно и заманчиво...

Персивалю показалось, что глаза Бернхарда потемнели от какого-то воспоминания.

Драммонд не успел ответить гостю, как вошёл слуга и сообщил, что чета Сэндлер просит доктора осмотреть Няяду, у недавней роженицы открылось кровотечение. Бернхард извинился и покинул компанию.

Августа прошептала сестре:

—При гостях Берни — сама доброта и любезность, для домашних же — тиран и деспот.

Хозяйка дома приказала принести яблочный мартини и фрукты. Молодые дамы с удовольствием потягивали приятный алкогольный напиток. Персиваль не любил корицу, что входила в рецепт мартини, но не подавал вида, ему было приятно общаться со слабой половиной человечества, он устал от скабрёзной матроской брани, от офицерского лизоблюдства и цинизма, от сухих, без сантиментов разговоров.

—Вы, мистер Росс, проводите большую часть дня в конторе, тренируетесь на ринге, остаётся ли у вас время хотя бы на чтение газет?— поинтересовалась Беула.

—И газеты успеваю читать, и изучаю религиозные книги, ту же «Библию», например. Цитирую: «Когда Ной постро-

ил ковчег, Иегова сказал ему: «Войди ты, и семейство твоё в ковчег, ибо тебя увидел Я праведным предо Мною в роде сём; и всякого скота чистого возьми семь семи, мужского пола и женского, а скота нечистого по два, мужского пола и женского...»». В «Древнееврейской грамматике» Гезениуса разъясняется это повторение, как определение количественных числительных.

—Но принято говорить: «Ной взял каждой твари по паре»,— возражала Августа.

Её собачку унесла служанка, и, чтобы занять руки, она перебирала край атласной скатерти.

—Но всем известно, что близкородственные связи приводят к вырождению вида, и истреблению оно́го,— не унимался Персиваль.

—Я согласна с мистером Россом, современные переводы «Библии» многое искажают,— согласилась с ним Беула, её взгляд бродил по его большим ладоням, казалось, эти сильные пальцы, если слегка нажмут на хрупкую подставку бокала, тот разлетится вдребезги.

—Но, друзья мои, каких тогда размеров должен был достигать корабль Ноя, чтоб вместить всех животных,— с сарказмом передёрнула плечиками Августа,— А сколько новых видов живности открыли в Новом Свете, в Австралии...

—Ну, не обязательно, что потоп был по всей Земле,— пожала плечами Беула.

—И неизвестно каких высот достигла древняя цивилиза-

ция, почему судно Ноя назвали не кораблём, а каким-то ковчегом?— фантазировал молодой человек.

Младшая сестра с интересом вглядывалась в горящие глаза Персиваля. Этот жестокий боксёр и жёсткий властитель порта, как ни странно, был мечтательным романтиком...и, вероятно, он ранимый и чуткий человек.

—Давайте не будем богохульствовать,— серьёзно заявила Августа,— Оставим разгребать аллегории в научных трудах философам, к тому же правда теперь известна только Богу.

—Вы интересуетесь религиозными трактатами, занимаетесь боксом, и посылаете корабли в дальние страны, а что ещё занимает Вас?— любопытство Беулы возросло.

—Я хотел бы знать всё о мире, в котором живу. Пока был жив мой отец, мы с ним плавали по свету, и я не переставал удивляться всему новому, что открывал для себя. Отец рано ушёл из жизни, и из юнги я превратился в капитана и владельца небольшой эскадры. Спасибо дяде, он помог мне на первых порах, а иначе, скорее всего, экипаж мог взбунтоваться и захватить моё имущество.

—И где же сейчас Ваш дядя?

—Брат матери погиб в бою с пиратами...

—Как печально...А Вы были участником сражений?

—Десятки раз.

—О-о-о...— невольно воскликнула Беула и представила этого крепкого, мускулистого парня дерущегося с неприятелем с голым торсом, она наткнулась на его пристальный

взгляд и покраснела, как будто гость прочитал её мысли, сболтнула очевидную глупость,— Быть мужчиной так тяжело...

Персиваль улыбнулся.

Эти «ахи» и возгласы делали из неё пустоголовую барышню, она вовремя спохватилась и самым серьёзным тоном осведомилась:

—Вы не потеряли в деньгах, когда я заменила рейсы в Индию на страны ближнего зарубежья?

—Отнюдь. Дальние плаванья рискованные, семьи разлучаются на долгое время...А сейчас, выполняя Ваши заказы, мой флот практически ничем не рискует.

—Ваши корабли, я слышала, плавают и в Северную Америку.

—Да. Моя матушка с отчимом заведуют лесопилкой в Старом Свете, ввозить лес в Европу очень выгодно.

Августа едва сдержалась, чтоб не зевнуть. Она уже соскучилась по своей визгливой болонке.

—А где Ваши дети, миссис Драммонд?— вывел её из сонной скуки Росс.

—Новое поколение Драммондов — строптивые и своевольные грубияны: светские разговоры их раздражают. Билинде нравится одиночество и своё вышивание, а Залман настолько непоседлив, что не усидит и пяти минут.

«Ага, сынуля весь в деда-холерика, а дочурка такая же никчемная особа, как мамаша»,— сделал вывод гость.

Августа перевела беседу на интересную для неё тему: обсуждение французского веяния на моду. После десяти минут перечисления актуальных цветов в одежде на этот сезон, мистер Росс отклонялся. Не засиделась и Беула.

Вернувшийся Бернхард застал жену с собачкой расположившихся на софе. Августа с тоскливым видом пялилась в книгу.

— Не порть глаза, дорогая, всё равно полезная информация не задерживается в твоей голове, — хмыкнул муж, — И хватит мучить животное своими тисканьями.

Дама, с пафосом прижимая болонку к сердцу, капризно заявила:

— Не смей ворчать на меня, нам это не нравится.

В подтверждение её слов собачка твякнула на Берни.

— Ещё раз твоя шавка облает меня — и слуги будут смывать мозги и кишки этой псины со стен, — недовольно прикрикнул хозяин дома.

— Чудовище, — испуганно вскричала Августа.

Доктор прошёл в свой кабинет, который был увешан масками аборигенов, обставлен бубнами, статуэтками и идолами, на полках располагались и другие малопонятные простым обывателям шаманские атрибуты. Книги по медицине стояли в дальнем углу.

Бернхард сел за письменный стол, что стоял у окна. Мужчина с вздохом обхватил голову руками.

Жена вошла тихо, и без болонки.

—Что с Наядой? Она умирает?

—Уже нет. Я вовремя успел. Она стеснялась приглашать меня, когда я прибыл, вызванный ею шарлатан хотел пустить ей кровь. Идиот! Она и так её много потеряла! Я выгнал этого недотёпу, запихав ему за шиворот ещё и его пиявок. Я выскоблил Наяде матку, удалив лишние сгустки крови, предыдущий акушер просто преступник с докторским дипломом, он не обследовал роженицу, как должно. Я предупредил миссис Сэндлер, что возможно, детей у неё больше не будет.

—Я уверена: ты действовал грамотно, как наилучший специалист, не надо винить себя за халатность других.

—Да, Наяде гораздо лучше. Но не из-за неё меня заела хандра. Внутри какое-то опустошение.

Августа приблизилась, провела рукой по его волосам.

—Может, какие-то тяжёлые воспоминания гложут тебя?

Бернхард с опаской глянул на жену: неужели догадалась о его шашнях с Беулой?

—Ты был на балах у Георга Третьего?— вдруг спросила женщина.

—Неоднократно.

—На тех балах, что проводились для столичных аристократов или на тех, что устраивались для приближённых?

—Я догадался куда ты клонишь... Хочешь знать правду? Но сначала скажи: что плохого в стремлении жить вечно? Я, как юное существо, потянулся к модным тенденциям, обещающим безгранично отдалить старость.

–Как ты мог пойти на поводу у человека с больной психикой?

–Ты соображаешь что говоришь?! Называешь находящегося на браздах правления короля дураком! У тебя ума, как у твоей болонки! Хорошо, что здесь мы без посторонних. В своё оправдание также могу прибавить и тот факт, что события, разворачивающиеся вокруг Георга Третьего, для окружения были живописны и зрелищны. Представь охотничий, небольшой замок посреди леса. Мы облачились в голубые рясы. Король читал евангелие от Лимии, мы прославляли Каина – первого вампира.

–Того, что убил брата Авеля?

–Да. Каин женился на Лилит, которая некогда отвергла Адама, возжелав иметь равные права с мужчинами, тогда Бог сотворил более сговорчивую и слабую женщину – Еву. Самые могучие вампиры – дети Каина и Лилит, их называют: метузелло, они просыпаются раз в 1.000 лет и пьют кровь «мастеров», самых могущественных после них. «Мастера» живут 500 лет, умеют летать, вводить в гипноз, умеют управлять движением вещей и тел. Далее идут «старшие», что живут 300 лет и имеют иммунитет против серебра. Их кормят «младшие». А новички-вампиры, как правило, молодые люди, называемые в кругу вампиров «птенцы», после вступления в тайное общество живут не более десяти лет, становясь добычей «старших» и «младших».

–Я слышала, что Георг Третий боится дневного света и не

стесняется пить кровь вместо завтрака. Твоя совесть тоже не чиста, Бернхард, потому ты и изводишь себя, тебе мерещится кровь!

—Ха! Я — доктор, кровью меня не испугаешь. Я повидал такое, что давно ничему не удивляюсь. Ведь я видел, как аборигены ели своих врагов. Я видел, как озверевшие от жажды вечной жизни и в поисках острых ощущений белые люди самых высоких рангов рвали зубами живую плоть своих подданных. Я неоднократно сам заливал стены и пол охотничьего замка свежей кровью, что добывал у больных, которым делал кровопускание.

—За столько лет ты не изменился, Берни. Не постарел. Лукреция Борджиа купалась в крови девственниц и была всегда красива и свежа.

—Августа, что ты говоришь?! Ты серьёзно считаешь меня вампиром? Может, кровь Наяды я собрал в баночку и сейчас заглотну одним махом для стимула? Вампиров придумали инквизиторы в стародавние времена, чтобы была причина сжигать неудобных.

—Тогда почему твоё лицо не носит отпечатки времени?

—Мне просто повезло. А ты завидуешь, потому что у самой щёки провисли и глаза впали.

—Ты умеешь сделать даме комплимент, грубое животное!

—Я и так устал, а ты ещё меня пилишь неизвестно за что и утомляешь никчемной беседой!

—Устал за пять минут ковыряния в человеческой плоти?—

хмыкнула жена.

—Ты не знаешь, какого напряжения требует сосредоточение на руках, я мог проткнуть скальпелем Няяду насквозь! А ответственность за здоровье и жизнь пациента?!

Августа с раздражением хлопнула дверью.

Через несколько дней Бернхард Драммонд вновь встретился с мистером Россом в игорном доме. После перекидывания карт по столу, они курили через кальян в курительной комнате, где доминировали весёлые жёлтые тона.

Берни опять просил знакомого присмотреться к его дочери:

—Билинда нежный, свежий цветочек, она ещё распуститься, если за ней хорошо ухаживать. Я буду замечательным тестем, Росс, я закрою глаза на Ваше непостоянство, ведь я, как доктор, понимаю, что мужчине быстро надоедает одна женщина. Природа так устроена: многие млекопитающие стремятся оплодотворить большее количество самок для продолжения своего рода.

—Ева, видимо, была шлюхой и извращенкой, и совокуплялась с собакой, только от потомка безразборчивой шавки я мог услышать подобное.

—Я бы мог обидеться, но не стану. Мы разные люди. А Ваша версия с Евой требует углублённого изучения. Почему бы и нет? У многих аборигенов есть тотемы священных животных. Но в обход Вашей гипотезы я бы предположил, что

Адам изначально был падок до секса, и когда Ева по известным женским причинам не могла удовлетворить его похоть, он обращал взор на животных.

Персиваль переборол в себе отвращение к собеседнику, сквозь зубы процедил:

– Хорошо, я принимаю ваше мировоззрение.

Драммонд снисходительно кивнул.

Судовладелец вздохнул и откровенно спросил:

– Что за человек сестра Вашей жены?

– Беула – скользкая личность. Притворяется недоступной штучкой, но от Августы я знаю, что она имеет тайного любовника. А раз она скрывает его от глаз общественности, значит с этим субъектом не всё чисто, он либо из низов сословия... либо женатый человек, а это говорит о её скотском характере, она не в состоянии контролировать ни свои эмоции, ни пагубную тягу к наслаждениям.

– За что Вы ненавидите Беулу?

– А за что мне любить эту женщину?

– Порядочный человек ради приличий не стал бы порочить честное имя родственницы.

– Но Вам ведь нужна была правдивая информация, и потому не пойму за что Вы меня оскорбляете.

– Если Вы на столько честный, ответьте на такой вопрос: ходят сплетни, что это Вы отравили Верджиниуса Спенсера, чтобы освободить свояченицу от деспота.

– А в этом деле Вам зачем правда? Если я на столько смел,

что отравил фабриканта, то я не на столько бестолковый, чтобы сознаться, ведь мне дорога моя шея. Приглашая Вас к себе, я надеялся выгодно пристроить дочь, но раз Вас интересует вдовствующая свояченица, тут я Вам не помощник: Беула самостоятельная, независимая и самодостаточная личность.

—Вы могли бы помочь мне в сердечном деле с Беулой, но Вы ревнуете.

—Ваша фантазия разыгралась!

Росс поднялся и ушёл.

Драммонд в сердцах пнул ногой кальян, тот брякнулся и треснул.

В конце недели в саду у Спенсеров хозяева привечали семью Драммондов.

Беула ушла в дом за лимонадом. Ожидая сестру, Августа сидела за столиком, сжимая свою собачку. Бернхард в это время находился у пациента, его прибытия ожидали с минуты на минуту.

Вдруг через ограду перелез мальчишка лет шести. Билинда вскрикнула и выронила рапиру, которой только что фехтовала с двенадцатилетним Роландом. Её соперник застыл с холодным оружием в руках. Залман, следящий за ходом поединка открыл рот.

Нарушивший идиллию семьи ребёнок, как ни в чём не бывало, приближался к дому.

—Мальчик! Чей ты?— вскрикнула испуганно Августа, этот нарушитель спокойствия был очень похож на Залмана, и сердце женщины дрогнуло в нехорошем предчувствии.

—Я ищу свою маму. Я из приюта,— бойко проговорил малыш.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.